

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 12 (791)

1 марта 1939 г., среда

Цена 30 коп.

Надежда Константиновна Крупская

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков) И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров СССР с глубоким прискорбием извещают партию, рабочий класс и всех трудящихся, что 27 февраля, в 6 часов 15 минут утра, в Москве, после тяжелой болезни скончалась старейший член партии, ближайший помощник В. И. Ленина, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР тов. Н. К. КРУПСКАЯ.

Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков), СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР.

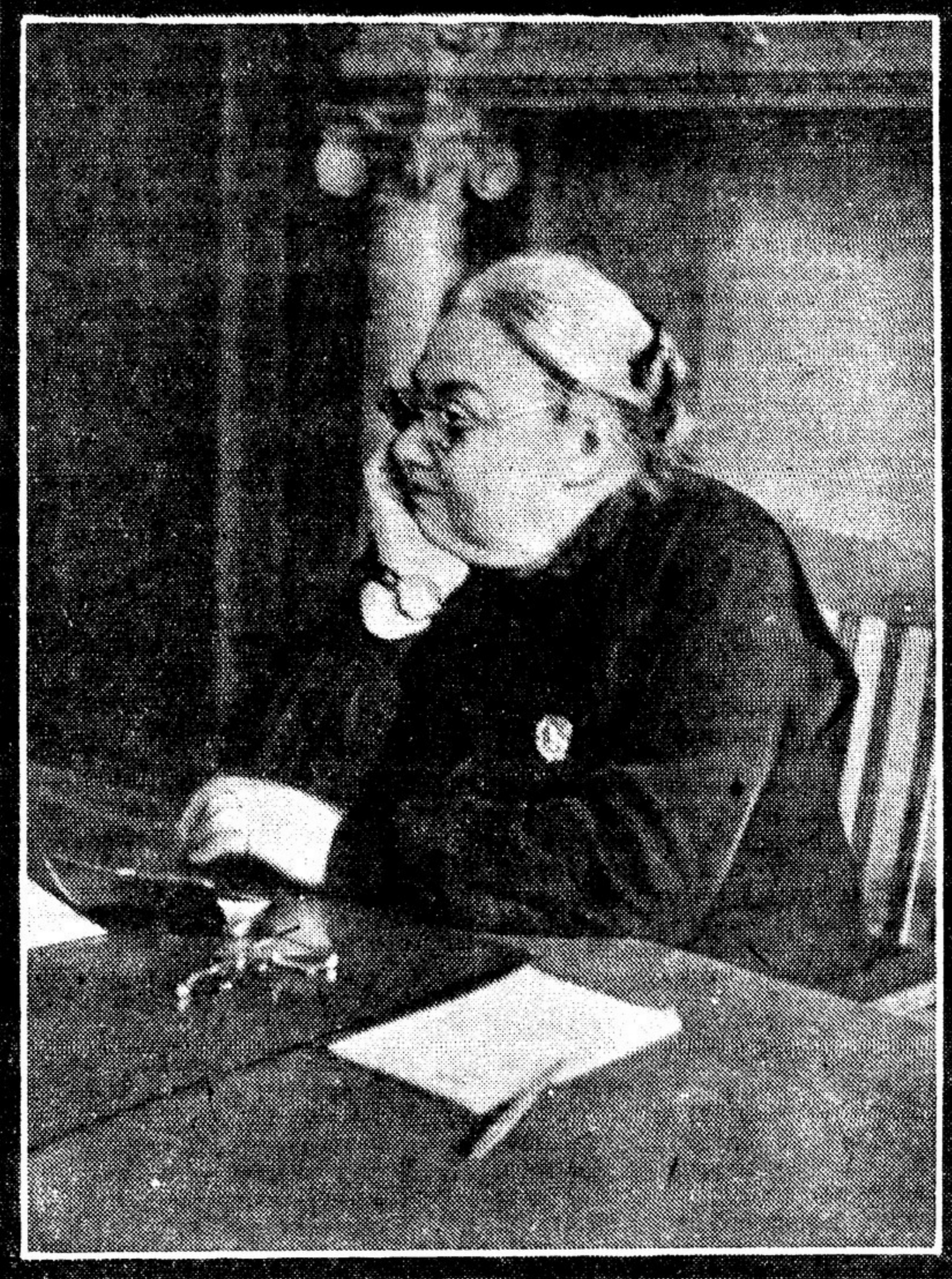
Благодородная жизнь

Ушла от нас Надежда Константиновна Крупская. Не стало прекрасного человека, ближайшего друга и помощника Владимира Ильича Ленина, старейшего большевика, любимца масс. Кажется, сейчас еще смотрят на нас, спрятавшие за стеклами окон, ласковые глаза Надежды Константиновны. Кажется, вот только что она прошла здесь, невысокая женщина, с большим, красивым и умным лбом, юная, несмотря на свои семьдесят лет. Нет, Надежда Константиновна лежит в гробу, и мимо нее нескончаемой вереницей идут люди, служению которым она отдала всю свою долгую жизнь. Двадцатилетней девушкой пришла Надежда Константиновна к рабочим, чтобы посвятить им все свое дарование педагога, чтобы передать им свои знания, научить их видеть врага и бороться с ним. Здесь, за Невской заставой, началась путь большевика-революционера, и все пятьдесят лет этого пути отмечены неустанным служением народу, большой, не знающей границ, любовью к людям, долгие годы находившимся в нищете, бескультурьи, страшной зависимости от кучки богатей. Каждое слово Надежды Константиновны вало рабочих к борьбе, воодушевляло, вселяло уверенность в близкий конец царства гнета и эксплуатации и в приход нового времени, новых, счастливых «условий человеческого существования». И это слово большевистской правды множило ряды борцов за социализм. Надежда Константиновна была другом Ленина, его неизменным и постоянным помощником. Она помогала Ленину работать над воспитанием первых кадров нашей партии, вместе они переносили трудности и невзгоды жизни в эмиграции, вместе они вернулись на родину, в час, когда народ поднял знамя восстания против своих поработителей. Партия Ленина—Сталина на обломках старого мира строила новое, социалистическое общество. В эту работу Надежда Константиновна вкладывала все свои силы, всю большевистскую страсть, весь темперамент своего вечно юного сердца. Как радовалась Надежда Константиновна каждому успеху дела Ленина—Сталина, как умела она замечать все новое, все коммунистичное, проявляющееся в жизни нашей родины. Известно, что каждый съезд партии большевиков был важнейшей вехой в истории нашего народа. Надежда Константиновна была участником всех съездов большевистской партии, за исключением одного лишь пятого съезда. Она наблюдала своими зоркими глазами, как завоевывали большевики одну победу за другой. Она разоблачала тем условиях, какие создавал социалистической строй для роста культуры и всеобщей грамотности. «Почва такая плодородная, что ткнешь околбашу — вырастет тарантас» — вспоминала Надежда Константиновна на XVIII съезде ВКП(б) шутливые чеховские слова и тут же рассказывала, какой плодородной стала для роста культуры почва социализма. Надежда Константиновна гордилась тем, что партия неуклонно осуществляла заветы Владимира Ильича Ленина вопреки промахам врагов, пытавшихся увести нас от ленинского пути. Наш съезд вчера переживал громадное чувство сознания того, что сделано дело

величайшей важности, — говорила Надежда Константиновна на XVII съезде ВКП(б). — Ленин дал указания, как идти по пути строительства социализма; партия по пути этому шла, и достижения громадные. Оттого съезд чувствует такой подъем. Каждый знает, какую громадную роль в этой победе играл товарищ Сталин, и поэтому то чувство, которое испытывал съезд, вылилось в такие горячие приветствия, в горячие овации, которые съезд устраивал товарищу Сталину. Несколько дней не дожидаясь Сталинский план нашего дальнейшего поступательного движения к коммунизму. Как горячо мечтала Надежда Константиновна присутствовать и на этом предстоящем съезде. Уже совсем болящая, за день до смерти, она говорила лечащим ее врачам: — Вы как хотите, а на съезд я пойду... Ее мечта не удалось сбыться. Смерть оборвала прекрасную, мужественную жизнь. Пятнадцать лет тому назад мир хоронил Владимира Ильича Ленина. Лучший поэт нашей эпохи Маяковский запечатлел эти траурные дни в поэме. Что увидишь?! Только лоб его зини, и Надежда Константиновна в тумане за... Может быть, в глаза без слез увидеть можно больше. Не в такие я смотрел глаза. Знамен пльвущих склоняется шелк последней почтеной отданной «Прощай же, товарищ, ты честно прошел свой доблестный путь благородный». В том же Колонном зале Дома Союзов лежит сейчас верный друг Ильича. Прощай же, товарищ Надежда Константиновна Крупская! Ты честно прошла свой доблестный путь благородный! Советский народ сохранит память о Надежде Константиновне как о верной своей дочери, много отдавшей служению идеалам коммунизма, много и славно поработавшей для дела партии Ленина—Сталина. Советский народ сохранит память о Надежде Константиновне как о человеке — строителе социалистической культуры, утвердившейся на одной шестой части земного шара, культуре, которой предстоит завоевать весь мир.

Сообщение ТАСС

Советское Правительство ассигновало 5 миллионов франков для помощи испанским беженцам и перевело эту сумму в распоряжение испанского поста в Париже г-на Паскуа.

ОТ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР. ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

с глубоким прискорбием извещает о смерти старейшего и преданнейшего члена ВКП(б), неутомимого борца за дело коммунизма, верного друга и соратника великого Ленина, ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР тов. Надежды Константиновны КРУПСКОЙ.

ОТ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Президиум Верховного Совета РСФСР вместе со всем советским народом выражает глубочайшую скорбь по поводу смерти старого большевика и друга Ленина — Надежды Константиновны Крупской — члена ЦК ВКП(б), депутата Верховного Совета СССР, заместителя Народного Комиссара Просвещения РСФСР. За свою 70-летнюю прекрасную жизнь Н. К. Крупская отдала все свои знания и силы борьбе за дело Ленина—Сталина, за коммунизм и заслужила безграничную любовь рабочих, колхозников, интеллигенции и всех трудящихся. Память о Н. К. Крупской навсегда сохранится в сердцах многомиллионных масс нашей великой социалистической родины.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР А. БАДАЕВ Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР Г. КОЗЛОВ

От Московского областного и городского комитетов ВКП(б)

МК и МГК ВКП(б) с глубокой скорбью извещают всех коммунистов и трудящихся Москвы и области о смерти старого большевика и друга Ленина, активного работника Московской партийной организации — Надежды Константиновны Крупской. Жизнь Надежды Константиновны Крупской, отдавшей все свои силы революционной работе, будет всегда служить примером стойкости в борьбе за освобождение трудящихся, за дело великой коммунистической партии.

МК и МГК ВКП(б).

Сообщение о болезни тов. Крупской Н. К.

Надежда Константиновна с 1912 г. страдала базедовой болезнью, повлекшей за собой заболевание сердца. С 1919 г. периодически повторялись явления недостаточности сердца с постоянной одышкой. За последние годы все более и более выявлялись признаки нарушения обмена веществ и общего артериосклероза. По своему обыкновению Надежда Константиновна 23 февраля выехала на отдых за город. 24 февраля внезапно у нее появились резкие боли в животе. Боли были настолько сильными и общее состояние настолько тяжелое, что прибывшие вскоре же врачи сочли нужным немедленно перевести Надежду Константиновну в Кремлевскую больницу. В больнице выяснилось, что у Надежды Константиновны имеется воспалительный очаг в брюшной полости в связи с закупоркой склерозированных сосудов кишечника. Следствием закупорки явилось омертвление части кишечника и последующее общее воспаление брюшины.

Болезнь развивалась бурно и с самого начала сопровождалась резким упадком сердечной деятельности и потерей сознания. В связи с этим упала возможность помочь большой оперативным путем. Болезнь быстро прогрессировала, и 27 февраля в 6 часов 15 минут утра последовала смерть. Воскритьем, произведенным академиком А. И. Абрикосовым, установлено, что основным страданием Надежды Константиновны являлся обильный артериосклероз, на почве которого развилась закупорка кровяного сосуда, омертвление тонкой кишки и общее воспаление брюшины. Заслуг. деятель науки проф. СПАСОКУКОЦИЙ. Профессор ВИНГРАДОВ. Профессор ОЧКИН. Доцент КОГАН М. Б. Начальник Лечсанупра Кремля БУСАЛОВ (ТАСС).

СОЗДАТЬ ПОЛНОЦЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дорогие товарищи писатели! Создаваемые вами художественные произведения пользуются большой любовью советского народа. На лучших образцах нашего творчества воспитываются миллионы партийных и непартийных большевиков. Мы горячо любим наших мастеров художественного слова за их глубокую правдивость, за подлинно большевистскую идейность, за их революционную страстность. Нам дороги и близки бессмертные творения М. Горького, В. Маяковского, мы любим прозу М. Шолохова и А. Толстого; замечательные стихи Джамбула, волнующие пьесы В. Влшевского, Н. Погодина, К. Тренева, А. Корнейчука, замечательные стихи В. Лебедева-Кумача и других. Наши советские писатели, вдохновляемые героическими делами великой партии Ленина—Сталина и всего советского народа, поставлены в исключительно благоприятные условия для достойного творческого служения народу. Сейчас наша страна переживает исключительный подъем накануне исторического XVIII партсъезда. По всей стране ширится и растет славно предвзвешное соревнование. Сплотенно и уверенно идет наша страна к коммунизму. Грандиозные перспективы материально-культурного роста несет третья сталинская пятилетка. «Теперь задача заключается в создании такого благосостояния и повышения культуры трудящихся, которые отвечают возросшим запросам советского народа...» (Тезисы доклада товарища Молотова). Наша народная художественная самодеятельность и ее быстрый рост являются ярким выражением великих завоеваний. Дорогие товарищи писатели! Мы ждем от вас конкретной помощи в создании полноценных литературных произведений для художественной самодеятельности. Мы призываем вас, писателей, активно участвовать в создании пьес, миниатюр, обзоров, фельетонов, стихов, рассказов, сказочек. Товарищи писатели! Мы, представители общественности и художественной самодеятельности предприятий Красной столицы надеемся, что вы живо откликнетесь на наш призыв и примете индивидуальные шефство над литературными коллективами художественной самодеятельности и их наиболее одаренными отдельными товарищами. Возглавить это почетное дело должен союз советских писателей совместно с Московским домом художественной самодеятельности. В ознаменование исторического XVIII съезда партии Ленина—Сталина обилием усилиями еще выше подыдем нашу художественную культуру! Секретарь парткома завода «Красный пролетарий» А. ФУКИН. Председатель комитета завода «Красный пролетарий» Д. БАРАНДЕЕВ. Пред. культурной комиссии завода «Красный пролетарий» А. СУРОВЕГИН. Пред. правления клуба завода «Красный пролетарий» А. ГРИНГАУЗ. Председатель депутатской группы завода «Красный пролетарий» Д. МАТЯГИН. Зав. клубом завода «Красный пролетарий» Н. БАРАНОВ. Секретарь парткома ф-ки «Трехгорной мануфактуры» С. ФРОЛОВ. Пред. фабкома ф-ки «Трехгорной мануфактуры» П. ПАВЛОВ. Пред. правления клуба ф-ки «Трехгорной мануфактуры» С. СОКОЛ. Стахановско-тиаичиха — депутат Верховного Совета РСФСР, орденосеца Е. МАСЛЕННИКОВА. Слушатель Промакадемии им. Молотова орденосеца М. КЛОНОВА. Депутат Верховного Совета РСФСР орденосеца М. ВИНГРАДОВА. Слушатель Промакадемии им. Молотова орденосеца С. ЯШИН. Секретарь парткома завода им. Авиахима В. ОДИНОВ. Директор клуба завода им. Авиахима Я. КОГАН. Орденосеца завода им. Авиахима Н. ГАВРИЛОВ. Секретарь парткома завода им. Сталина В. КРЕСТЬЯНИНОВ. Директор Дома культуры «Зис» И. КАМЫШАН. Зам. секретаря ВЛКСМ завода им. Сталина В. ШУЛЬГИН. Директор клуба завода «Серп и молот» А. ЧУГРЕВ. Депутат Верховного Совета СССР Алексей СТАХАНОВ. Слушатель Промакадемии им. Сталина Манар МАЗАЯ. Герой Советского Союза командир Б. ТУРЖАНСКИЙ.

ОТ XVII к XVIII СЪЕЗДУ

ЛИТЕРАТУРА АРМЕНИИ

Период между XVII и XVIII съездами партии был для армянской литературы периодом большого подъема. В литературу пришли новые, свежие, талантливые силы. В поэзии зазвучали молодые голоса поэтов — ровесников Октября: О. Сиразя, Г. Борина, С. Капуткьяна, В. Арамуни, Г. Туманяна и др. Из новых молодых писателей-беллетристов нужно назвать имена Х. Тапалцян, Стаффи, А. Григоряна, в драматургии — М. Кочаряна, Худавердяна-Алагорцян, А. Аракелова. Выдающимся произведением армянской поэзии является поэма А. Исаакяна «Сосна Мерз». Это оригинальная литературная обработка последней части эпоса «Сасунци Давид». Армянская художественная литература за последние годы успешно овладевает современной тематикой и дала несколько значительных полотен из жизни рабочего класса, колхозов и интеллигенции Армении. Старейший армянский писатель Араиз, наряду со сборником рассказов «Истоки» — из жизни революционного подполья, выпустил сборник повестей «На новых крыльях». В сборнике две повести: «В лунном сиянии» — о советской студенческой молодежи и «У водопада» — о социалистическом строительстве. Поворот армянской драматургии к современной теме знаменуют пьесы виднейшего армянского драматурга Д. Демирчяна: «Капутган» и «Наполеон Коркотян». Первая из них посвящена наиболее волнующим страницам социалистического строительства в Армении — борьбе за электрификацию и ирригацию; вторая — комедия из совхозной жизни, в которой выведен политический двурушник. Крутое событие в армянской литературе — роман С. Заряна — «Истории одной жизни» — о революционной армянской интеллигенции. Новой советской интеллигенции в Армении посвящен роман Сирава «Непсыный закон». Счастливая колхозная жизнь находит себе все более широкое освещение в армянской художественной литературе. Од-

ним из наиболее значительных произведений на эту тему является роман Н. Заряна «Апавава». Мастер новеллы М. Манвелян выпустил сборник новелл и роман «Заветер пустыни». Г. Сарьян по праву может считаться одним из выдающихся лириков советской поэзии. Сборник его стихов и поэм «Подъезд» тепло и ярко воспевают новую, счастливую советскую жизнь. В области политической лирики необходимо отметить выход сборника стихов и поэм Н. Заряна «Крепость». Из плеяды молодых поэтов надо особо выделить О. Сиразя. Последнее его произведение — лирическая поэма «Наше счастье». Молодые поэты написали поэму о Сталине, в которой превосходно выражены любовь армянского народа к товарищу Сталину и чувства молодого советского патриота, чувства беспредельной преданности партии и родине. На русский язык за последние годы переведены избранные произведения выдающегося пролетарского поэта Армении Акопа Акопяна, «История одной жизни» С. Заряна, сборник избранных рассказов Араиз, сборник рассказов и комедия «Храбрый Назар» Д. Демирчяна, сборник избранных стихов Г. Сарьяна и Н. Заряна, его же поэма «Скала Рушана» и др. Одновременно поэты и писатели Армении работали над переводами на армянский язык мировых и русских классиков и произведений современной советской литературы. Вышли: «Война и мир» в переводе Ст. Заряна, Пушкин в новых переводах Г. Сарьяна, Н. Заряна, С. Тароци, «Жизнь Клыма Самгина» и «Мать» А. М. Горького, одноименный Достоевского, Балзака, Роман Роллана, Виктора Гюго. Из произведений современной советской литературы переведены: «Поднятая целина» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Разгром» А. Фадеева и др. Необходимо отметить еще перевод Г. Асагуран «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, Г. Сарьяном — «Книги песен» Г. Гейне и, особенно, любимое издание «Кобзаря» на армянском языке.

ЛИТЕРАТУРА БУРЯТ-МОНГОЛИИ

XVIII съезду партии Бурят-Монголия рапортует немалым рядом крупнейших творческих побед, одержанных в литературе и искусстве. Бурят-монгольская литература за это время обогатилась новыми талантливыми прозаиками и поэтами. Среди них — поэт-орденосеца Галсанов, прозаик Волгалов — автор талантливых рассказов о колхозной молодежи, поэты Уланов, Мяталина, Абидуев, Хилтухин, Дампинов. Сильно развилась драматургия. В национальном театре с большим успехом идет пьеса Аполлона Шалаева «Байр» (народный эпос). В сезон 1936/37 г. театр поставил пьесу драматурга Балданова «Два друга» — о колхозной молодежи. Пьеса молодого драматурга Тумунова «Пшеница» — о революционном прошлом Бурят-Монголии — с этого года вошла в репертуар театра. Много сделано в области переводов русских и западноевропейских пьес. Поэт Чернышов перевел «Отелло» Шекспира. Это первая шекспировская пьеса, переведенная в Бурят-Монголии. Переведены: «Капитанская дочка» Пушкина, «Мать» Горького, сборник рассказов Чехова, «Хлеб» А. Толстого, «Как закалялась

сталь» Н. Островского. Сделаны переводы большинства стихов Джамбула и песен В. Лебедева-Кумача. Старейший национальный писатель Бурят-Монголии орденосеца Хоша Намсараев за последние годы написал повесть «Однажды ночью», повесть «Цыренпил» и обработал эпическую поэму «Аланжа-Мерген». В дни 15-летия республики, в 1938 г., в Улан-Уде с большим успехом прошла выставка бурят-монгольской японии, посвященная 15-летию республики. Творчество художников — Сампилова, Мердгеева, Павлова, Окладникова, Тимина, Аржикова — популярно среди бурят-монгольского народа. Впервые в Бурят-Монголии появились свои композиторы. Молодой композитор Ямпилон написал бурят-монгольскую сюиту в двух частях. Это первое симфоническое произведение дало толчок к развитию симфонического творчества. Композител Аюшеев пишет сейчас симфоническую поэму «Павел Балдахин». Пять лет, прошедшие со времени XVII съезда, были для Бурят-Монголии годами больших побед во всех областях культуры.

Надежда Константиновна Крупская среди пионеров — отличников учебы.

Верная дочь народа

Умер большой человек, Надежда Константиновна Крупская — друг Ленина, старшая коммунистка, верная дочь народа.

Умер человек, который нам дорог и близок всем своим существом. Огромны личные заслуги, личная обязательность, мужество, скромность Надежды Константиновны.

Какое-то особенное, сложное чувство охватывает меня сейчас, когда я вспоминаю о Надежде Константиновне.

И — учительница. А ведь именно Надежда Константиновна Крупская, выполавшая великое умение Ленина, всю свою жизнь заботилась о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой речи быть не может ни о какой культуре.

И — женщина. В быту, в семье учила нас Надежда Константиновна находить и утверждать новые формы человеческих отношений, основанные на глубоком взаимном доверии, на идейной близости.

С какой волнующей любовью относилась Надежда Константиновна к детям, всюду говоря, что нельзя экономить на расходах для детей, что все, начиная от игрушек, кончая учебной школой, должны мы отдавать в первую очередь ребятам.

Многие раз я встречалась с Надеждой Константиновной, бесчисленное количество раз перечитывала ее статьи и книги. И всегда возникало при этом чувство большой любви и большого уважения к этому человеку.

Трудно сказать лучше, проще и с большим теплом. И сейчас, когда через 15 лет после Ленина сошла в могилу Надежда Константиновна, хочется несколько по-прежнему повторить ее же слова.

Она знала и любила нашу страну, наш народ, нашу родную литературу, иногда сама читала стихи своих любимых поэтов.

Сейчас много говорят об образе большевика в нашей советской литературе. Мне кажется, что замечательным материалом для талантливейших наших писателей является жизнь и деятельность Надежды Константиновны Крупской.

Сколько настойчивости и веры было в Надежде Константиновне Крупской. Разве не замечательна эпизод из ее жизни, когда после июльских дней переехала крестьянкой приобретает Н. К. Крупская к Владимиру Ильичу в Финляндию, выполавшая партийные поручения.

А в 1919 году, когда вместе с В. М. Молотовым Крупская на пароходе «Красная звезда» обвезает города Поволжья и Камы, города, из которых только что вышла Красная Армия белые банни!

Когда умер Ленин, Крупская на заседании 2-го Съезда советов говорила: «Владимир Ильич понимал, что историческая задача рабочего класса — освобождение всех угнетенных, освобождение всех трудящихся... Товарищи, представляйте советский республик, республик трудящихся! К вам обращаясь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу».

Товарищи трудящиеся, представляете славной советской интеллигенции, товарищи писатели, педагоги, счастливые матери счастливой страны и вы, ребята! Больше всего в своей жизни заботилась Надежда Константиновна о деле народного просвещения, о деле коммунистического воспитания новых людей, новой нашей замечательной страны.

Большее всего в своей жизни заботилась Надежда Константиновна о деле народного просвещения, о деле коммунистического воспитания новых людей, новой нашей замечательной страны.

О. ЛЕОНОВА, депутат Верховного Совета СССР.

Неопубликованные документы о Н. К. Крупской

ЛЕНИНГРАД, 28 февраля. (ТАСС). В ленинградском филиале музея В. И. Ленина хранится документ, относящийся к деятельности Н. К. Крупской в период 1891-1896 гг.

Этот, ныне не опубликованный до сих пор документ, — подлинный экземпляр журнала 1-ой вечерней рабочей школы, где Надежда Константиновна преподавала рабочий русский язык.

В графе «учительница» рукой Надежды Константиновны написано — «Н. К. Крупская».

В этой школе обучались 515 рабочих фабрик и заводов Невской заставы — Невского механического завода, Спасской, Петровской и Палевской бумагопрядильных фабрик, стеринового завода, Фабрики Тортона, лесопильного завода, а также ремесленники, домашние работницы и безработные.

В журнале есть список учащихся группы, которую вела Н. К. Крупская, с отметками о посещаемости занятий. Тут же помещен список учителей, в котором упоминается фамилия Н. К. Крупской.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Нет с нами больше Надежды Константиновны Крупской. Трудно произносить эти слова, трудно писать их. Но тем больше хочется удержать в памяти ее образ, вспомнить ее славный жизненный путь, отдельные незабываемые черты в работе.

«Ты наша вожатка», писали ей в одном письме с далекого Севера. И, действительно, она была «вожаткой» для многих миллионов людей. Как хорошо рассказано о руководящей политической работе Надежды Константиновны в книге ткача П. П. Паляина «Невская застава».

Прекрасно знала художественную литературу Надежда Константиновна, любила пользоваться художественными образами. Очень много знала она стихотворений наизусть, прекрасно читала их на разных языках.

В ранней своей юности любила она поэтов журнала «Искра», выходившего в 60-х годах прошлого столетия. Любила стихотворения этих поэтов и Владимир Ильич Ленин.

Она показывала пример, как надо учиться в массе, прислушиваться к желаниям масс, направлять их энергию по правильному руслу к той цели, которая была для Надежды Константиновны самой железной, самой заветной — «освобождение всех угнетенных, освобождение всех трудящихся».

В борьбе за социализм, за коммунизм огромное место отводило Надежда Константиновна всему делу народного образования, в частности — политико-просветительной работе.

В 1891 г. Надежда Константиновна начала свою педагогическую работу в воскресно-вечерней Корниловской школе. Пять лет проработала она там, а потом и в ссылке, и в эмиграции помогла товарищам изучать работы Маркса, Энгельса в партийной школе; в Лонжюмо (деревня под Парижем) она учила приехавших из России товарищей писать корреспонденции в газеты.

Сейчас же после Февральской революции в 1917 г. Надежда Константиновна с головой ухлудила в работу по народному образованию на Выборгской стороне Петрограда. После победы Октябрьской социалистической революции она направляется в партийную организацию Народного комисариата просвещения и с той поры непрерывно работает в нем, как один из крупнейших руководителей всего дела народного образования в СССР, всегда борясь за осуществление партийной линии на культурном фронте.

Последние годы Надежда Константиновна много работала над организацией среднего образования для взрослых, вывила во все детали программ школ для взрослых, методы преподавания в них. Ко дню семидесятилетия Надежды Константиновны Наркомпрос издал специальную брошюру ее статей «О преподавании в средних школах взрослых». В этой брошюре есть замечательные статьи и о преподавании русского языка и литературы (Надежда Константиновна всегда рядом ставила оба эти предмета, тесно связывая развитие умения говорить, писать с изучением литературы).

В Наркомпросе имеется не мало деловых записок, замечаний Надежды Константиновны по вопросам учебных программ литературы, отдельных методических записок и т. д. Разбор, изучение этих материалов дают очень много преподавателям литературы.

Прислуживаясь к делу, Надежда Константиновна была верной дочерью своего народа, непоколебимым революционером. Она отдала всю свою жизнь великому делу Ленина — Сталина. Незамыслима ее роль в деле строительства советской культуры, в деле воспитания нашей молодежи, подготовки кадров советской интеллигенции.

Образ Надежды Константиновны — это ярчайший образ женщины — пламенного революционера. С невыразимой скорбью писатели города Ленина склоняют головы перед ее прахом.

Б. ЛАВРЕНЕВ, М. СЛОНИМЩИК, Н. ТИХОНОВ, М. ЗОЩЕНКО, Ю. ГЕРМАН, Ю. ТЫНЯНОВ, О. ФОРШ, В. ШИШКОВ, В. КАВЕРИН, Л. РАХМАНОВ, Б. БЯЛИК, Н. БРЫКИН, Е. ФЕДОРОВ, А. ПРОКОФЬЕВ, М. ЛОЗИНСКИЙ, В. САЯНОВ, В. ГОЛИЧНИКОВ, Г. ГУНОВСКИЙ, П. КАПИЦА.

ЛЕНИНГРАД, 28 февраля.

Н. К. Крупская среди женщин национальных республик.

Надежда Константиновна Крупская на смертном одре

(Фотохроника ТАСС)

Сердце борца

Не так давно Надежда Константиновна, посвящая строки воспоминаний замечательной коммунистке Елзаре Петкиной, с величайшим уважением рассказывала о том, как эта семидесятилетняя женщина, которая «каждую минуту задыхалась», собрав последние силы, «запасшись камрадой», поднасил на трибуну рейхстага, чтобы на весь мир бесстрашно заявить кровавый фанатизм; как затем, по возвращении в Москву, уже совсем болящая, умирающая, — немецкая революционерка диктовала брошюру «Завещание Ленина женщинам всего мира».

В этих строках звучит глубокое уважение, уважение к соратнику, к единокровию, которого смерть может взять только как оружие в руках. И русская женщина, Надежда Константиновна Крупская, когда-то высокая, тонкая девушка с русской косой, учительница вечерней рабочей школы на Шляхесбургском тракте, — впоследствии руководительница политико-просветительной работы Народного комисариата просвещения РСФСР, — всю свою жизнь прошла как неутомимый, негибаемый борец.

Последние дни — мы не говорим даже месяцы — этого подорванного незначительным болезнью борца и труженика были целиком отданы тому же, чему отдала была и вся великая жизнь Надежды Константиновны.

В Серпухове, чьим депутатом была Н. К. Крупская, под ее руководством росла и крепла средняя школа для взрослых. Мать красноварейки Илюхина, обратившись к своему депутату, получила на зиму дрова. На заседании Совнаркома РСФСР, где обсуждался третий пятилетний план культурного строительства, Надежда Константиновна говорила о развитии детских садов и библиотек. Служащим детям из Гризовской школы на просьбу сообщить о том, какие она любит песни, она отвечала:

«Самая моя любимая песня — «Интернационал». Также любила я очень песню «Красная Армия» («Белая армия, черной барон снова готовит нам парский трон» и т. д.), во время гражданской войны мы ее распевали в Кремле красноварейки, и мы с Ильичем очень любил ее слушать».

Как закономерно, что Надежда Константиновна была, — этой внешне застенчивой, как отмечают все лично знавшие ее товарищи, физически далеко не сильной, нолиной женщине так дорога была боевая песня Красной Армии.

Тяжелые удары, тяжелые испытания, которые подает только закаленному сердцу борца, пришлось испытать Надежде Константиновне Крупской. Парские тюрьмы, ссылка, эмиграция, борьба со всеми разновидностями оппортунизма и предательства.

21 апреля 1917 года Надежда Константиновна идет по Невскому, чтобы утешить в одной из квартир с Владимиром Ильичем, ведущим уже полуконспиративное существование. И вот «ближе к Морской», где было «засядье котельков», Надежда Константиновна явственно слышит: «Надо быть Ленину!» — кричала какая-то пономою одетая девица.

Но паника или простое смутнение далеки от закаленного большевика: «Класс против класса!» — спокойно замечает по этому поводу Надежда Константиновна: — «Рабочий класс был за Ленина».

И только тогда, когда клевету враги революции стали пытаться протаскивать и в среду трудящихся, Надежда Константиновна написала для «Советской правды» краткую биографию Владимира Ильича.

Стойко и мужественно проходила эта женщина через огненное горнило направила.

Весь стиль Надежды Константиновны, деловой, серьезной и скромной, определялся ее жизнью и работой рука об руку с величайшим человеком в мире.

женной борьбы. Вот с паспортом «сестрой-работницы-старухи», повзавшись платком, пробиралась Надежда Константиновна через финляндскую границу, где скрывается Владимир Ильич, вот проводит мучительные дни у кровати Владимира Ильича, тяжело раненого азербайджанской революцией — троцкистско-бухаринских бандитов.

Выношенная опытом всей жизни и борьбы, сильна и сурова в Надежде Константиновне неприятие неприятия к врагу: «Глубокою ненавистью и отвращением к троцкистско-бухаринским шпионам и диверсантам испытываете наш народ. Другого чувства к врагам у нас быть не может», — говорит Надежда Константиновна в дни подготовки к выборам в Верховный Совет СССР.

До конца непримиримая, последовательная в борьбе с врагами коммунизма, человек огромной чистоты, Надежда Константиновна вместе с тем бесконечно далека от мелочного педантизма, от самой малайшей тени навязчивости «поучительства».

Несколько дней тому назад в печати была опубликована чрезвычайно интересная статья Надежды Константиновны «Замечания о коммунистическом воспитании». В этой статье прежде всего брошены под прямую и очень яловитый обзор уставов некоторых педагогов, из тех, кто к делу воспитания молодежи пытается подойти с мертвыми стандартами.

«У ребят же свои интересы, нельзя подавлять личность ребенка. Меня прямо испугали речи педагогов, которые рассказывали, как все «по полочкам» разложено в школьных библиотечках, все по временам года: весной читают про солдатов, зимой читают про зиму».

При такой системе мелочной и навязчивой опеки, которую выдвигает кое-кто из педагогов, «я бы ни одной книжки не стала читать», — замечает Н. К. Крупская, и фраза эта звучит вечной и вечною молодостью. В этой же статье Надежда Константиновна возвращается к мысли, которая неоднократно звучит во многих ее выступлениях: она протестует против поверхностности, «цитатного» усвоения молодежью предмета, еще и еще раз напоминает она о том, что молодое поколение самым глубоким образом должно «вдумываться» в материал. Серьезная, но поверхностная работа, освобожденная от какого бы то ни было налета легковесной болтовни, освоение гуманистической сущности этого учения велит молодежи к полному освоению марксизма-ленинизма. Этим путем шла когда-то в жизнь, в революцию, в борьбу замечательная девушка, Надежда Константиновна Крупская.

Когда-то над гробом Жени Маркс, лучшей подруги и товарища великого Маркса, их общий друг — Фридрих Энгельс — сказал о том, что испустила тяжелую жизнь этой героической женщины: «Она дожила до момента, когда все инсинуации, градом сыпавшиеся на голову Маркса, рассеялись, как мякина от ветра, когда его учение, которое все реакционные партии, от феодалов до демократов, старались всеми силами угнать, стало открыто проповедываться во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках».

Верный друг и товарищ другого гения коммунистической революции — Владимира Ильича Ленина Надежда Константиновна Крупская — за годы героической борьбы была вознаграждена тем, что видела живое воплощение всего того, за что так беззаветно боролась ее великий друг и товарищ, чему до последней капли крови была отдала и ее скромная и героическая жизнь.

ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВА.

СТРАНИЧКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Пришлось мне встретиться с Надеждой Константиновной зимой 1915 — 16 года, в Берне (Швейцария).

«Ильич» — так мы называли Ленина и Надежду Константиновну — жили в меблированной комнате на скромной улице (кажется, Вайденштет, 9). Обедали они, как и ряд других наших товарищей, с топким кошелем, в маленьком ресторанчике, ставившемся своей дешевой и отврагительной кухней. Как-то раз, повстречав их, отправившихся вместе с деловой командией в этот ресторан, я крикнула им: «Приятного аппетита».

На это Надежда Константиновна ответила: «он так слитком хорош для того, что притясть есть».

После отъезда «Ильичем» в Цюрих мне пришлось вести с Надеждой Константиновной переписку (к несчастью, все ее письма погибли во время переезда) — она давала от имени Владимира Ильича различные поручения по связи с Россией. Как тоны, как поспешно оны были эти указания! Как методично все было разработано!

Один вид ее ровного, мелкого, аккуратного почерка, очень простого, строгого — ставила меня слова и снова ощущать эту женщину, подчинившую все свое существование великому делу. Ее тихий, ровный голос, ее темная, до предела простая одежда и прическа, идеальная чистота и порядок, паршивые в комнате, — все это говорило о большой собранности, целеустремленности этих двух прекрасных женщин, протекавших 60-60-х в течение трех десятков лет, об организованности даже в домашнем быту. Эта организованность, эта собранность позволяла экономить время и силы, нужные для основы, для главного в жизни величайшего человека.

М. ИЛЬИНА

«ЗЕЛЕНЫЙ ФУРГОН»

В четырнадцатом альманахе «Год двадцать второй» напечатана повесть А. Бозачинского «Зеленый фургон». В этой повести рассказывается о том, как восемнадцатилетний мальчик Володя Бойченко был назначен начальником Севериновского районного отдела уголовного розыска, как Володя Бойченко работал в уголовном розыске, как работа ему вначале не удавалась и как совершил Володя Бойченко героическое дело.

Смелый, честный, чистый и немощно смешной мальчик Володя Бойченко описан писателем Бозачинским превосходно. С отличной прямотой и простотой, с мягким юмором, очень любовно рассказывает Бозачинский о своем герое. И чем дальше читаешь повесть, тем яснее становится, что именно так, а не иначе нужно описывать Володю Бойченко, его жизнь, его товарищей и врагов. Володя Бойченко так хорош сам по себе, так целен и ясен, так правдив и чест, что не нуждается ни в каких прикрасах.

«По молодости лет Володя ни с кем не воювал. Ни с белыми, ни с петлюровцами, ни с махновцами, ни с григорьевцами. Он был ни на одном из фронтов, и все собственные бомбы-лапоники, привезенные им с собой в Севериновку, он выменял у знакомого пятиклассника на фотоаппарат, полученный от папы в день рождения».

«Помимо колбы и бомб-лапоники, предназначенных для обороны и нападения, он привез с собой увеличительное стекло для разглядывания следов, оставленных преступниками на месте преступления, и карманное зеркальце, с помощью которого можно было, не оглядываясь, установить, не идет ли кто-нибудь следом. К сожаленью, перед отъездом из Одессы он не сумел раздобыть очков с дымчатыми стеклами, париков и грима, которые могли бы оказаться очень полезными в Севериновке».

Он был несколько разочарован, убедившись, что деревенские преступники не оставляют после себя тех улик и вещественных доказательств, которые во всем правдивом должны были бы оставлять на месте преступления: волосков, прилипших к орудию убийства, отбитков пальцев, окурков, папиросного пепла и отпечатков пометок, которые позволяли бы судить о размерах обуви, походке, характере, имущественном положении и даже внешности правонарушителя».

С превосходной точностью описывает повесть Бозачинский романтическую душу своего героя. Вот, например, отрывок, в котором описывается один из методов конспирации много начальника уголовного розыска.

«Покончив с планом, Володя попросил у Виктора Прокофьевича палатку. Он брал у него пальто всякий раз, когда собирался переодеться, чтобы остаться незамеченным. В нем было жарко и тепло; это было восхитительно пахнущее пахнущее — черное, с бархатным воротником. Но служебное время не раз заставляло Володю прибегать к такой маскировке в самые знойные июльские дни. Севериновские самогонщики, любившие погулять в свободное время на заливке у входа в утробку, явля начальником в палатку Виктора Прокофьевича, из вежливости не зловорачивали с ним, притворяясь, что не узнают Володю. «Поезд на операцию», — шептали они друг другу, глядя вслед молодому начальнику».

Проходят дни, и юношеский романтизм покидает Володю Бойченко. Работа, на которую послала его революция, тяжела и трудна.

«Странные дела творились в преступном мире. Богатые чаще грабили бедных, чем бедные богатых. Кулаки послали на добро немощных. Немощные становились опорой законности, а собственники — вдохновителями анархии и разбоя. По узлу тремели конюшники из помещиков и вальетки из гимназистов».

«...И по утрам у дорог находили трупы».

Володя, описывая в своих актах, как выглядят эти трупы и в каких положениях застигло их утро, не мог охватить взглядом всю картину. Ему не были по-

няты ее масштабы и социальный смысл. Но ему была ясна его задача. Вид первого трупа, который ему пришлось осматривать, глубоко его потряс. Это не был страх перед мертвым. Это было негодование и острое сознание чужого человеческого горя. «Люди, только что освобожденные революцией, не должны умирать от руки убийц», — сказал он себе. Он должен помочь трудовым селянам сбросить с себя последнее иго — это банальщина. Чтобы они могли мирно работать на своих полях и виноградниках, Пастухов. Видеть по полям днем и ночью. Пожаривать обрест. Спать спокойно в своих хатах».

Виктора Прокофьевича Шестакова, типорабочника по специальности, человека большого, партии мобилизовала в милицию. И Шестаков, человек простой и честный, так же как и Володя, учится новому для него делу. И для обоих, для Володи и Шестакова, становится ясным, что детективами они никогда не будут, а что работать им надобно, опираясь на массы, на рабочих и крестьян, на тех людей, которые только что совершили великую революцию. Да и какие из Шестакова и из Бойченко детективы!

«...Шестаков, немолодой, болезненный человек, ходил по улицам в деревянных сандалиях, юма же — босиком. Деревянные сандалии, называвшиеся в Одессе стукалками, при ходьбе щелкали, как костяшки, и по этому шуму за километр можно было узнать о приближении детектива. Володя не раз с неудовольствием спрашивал Шестакова: — Ну, а что вы будете делать со своими стукалками, Виктор Прокофьевич, если нам придется подкармываться? И Виктор Прокофьевич смущенно отвечал: — Тогда я их сниму и буду подкармываться босиком».

Не задумываясь ни на минуту, Володя и Шестаков рискуют жизнью ради дела, которому оба они служат. Оба они наделены обычными человеческими свойствами и качествами, они не герои, но, когда нужно, становятся героями, а Володя Бойченко даже боится собак. Отправляясь на трудовую, рискованную операцию, Володя увидел, как от дерева навстречу Володе молча красилась высокая худая собака с темными крутами вокруг белых глаз, собака с голой шерстью, собиравшая нето обнюхав его, нето укусила. Володя отпрыгнул в сторону. С детства он испытывал не то что страх, но какое-то предубеждение против собак, оставшееся в нем с того дня, когда его, трехлетнего мальчика, обладал собака болонка; ужас, испытанный им в тот день, на всю жизнь определил его отношение к собакам.

— Шеш! — крикнул Володя серому и, косясь через плечо, пересек двор по дуге, в центре которой оставался подозрительный пес».

Реальному существованию Володы Бойченко веришь с начала до конца повести. Веришь тому, что бестрашный Володя любит собак, веришь тому, что Володя любит слово «погоно», веришь и тому, как убеждает Володя Бойченко с места боя, веришь потому, что Володя тотчас же возвращается. Ничто человеческое не чуждо этому отважному и потому столь привлекательному юноше.

Замечательно ясно, четко и психологически точно описана Бозачинским сцена встречи Володи с бывшим голышпером, ны-

ЕВРЕЙСКИЕ СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ — КРАСНОЙ АРМИИ

Такова была тема литературно-художественного вечера, устроенного на днях Московским бюро секции еврейских писателей в Большой аудитории Политического музея. Вечер прошел с большим подъемом. Вступительное слово сделал писатель Д. Бернштейн. Своим произведением читали поэты-орденоносцы И. Фейер, Д. Гофштейн и писатели Г. Орлянд, Ф. Сато и Н. Юрьев (УССР). З. Аксельрод, Г. Каменецкий, Х. Малтинский,

непешим балетом Красавчиком. И детская влюбленность в знаменитого футболиста, и южная подозрительность разведчика, и страстное увлечение футболом — все здесь правдиво, верно, все здесь, как в полном художественном произведении, открытые.

Об этой стороне дарования Бозачинского стоит поговорить особо. Бозачинскому не свойственен переосказ. От каждой странички, от каждого абзаца в его повести веет свежестью, наблюдательностью, точностью. У Бозачинского почти нет приближенных мест в бытие. Все, что у него рассказано, может быть только так, а не иначе.

Вот несколько примеров:

«Красавчик ударил себя в грудь. — Побей меня гром, — разве ж это был мой побег? Это ж был явный побег. Берут меня из камеры и дают мне конвой — женщину-милиционеру. Это же просто насмешка! Мы идем по улице, а я себе думаю: меня же люди видят! Знакомый! Может, мне даже этой свободы особенно не хотелось».

Управдом полверочью фыркнул. — Ну, чем доказать? Вот могу дойти до этих ворот и обратно. Хотите? Он сказал это так искренне и горячо, как может сказать только человек, взятый под стражу».

«...Бандасты стояли в ряд, в причудливых позах, изогнув спины и упершись ладонями в стену. Потеряв свободу, они потеряли индивидуальность. Они казались одинаково серыми, покорными и почти неотличимыми друг от друга. У них онемели поднятые руки, чесались спины, и они были коровьими головами».

«Вознагражден был так занят своей берданкой, в которой что-то не ладилось, что, подбегав к Володе, даже не поглядывал на него, а продолжал громко лягать затвором».

— Кто ты? — брыкнул Володя. — Продармец, — ответил тот, не отрываясь от своего занятия.

— Сколько у тебя патронов? — Один, — ответил продармец, свывая ляминный патрон с толстой ствольной спилешкой на конце пули, врое тех, которыми стреляли в битве на реке Альме.

Володя быстро опернул огневую силу полкренящегося.

«...Внутри этого вилитного базара существовал другой базар, невиданный, который и являлся главным. На невиданном базаре торговали салом, сахаром, кожей. Это был невиданный базар, с торговлей на-под паль, вешками панки, конфискации и неоглаженной стрельбой — базар тысячи девятьсот двадцатого года».

За редким исключением, так написана вся книга. Тем более досадно, когда у Бозачинского Володя вдруг вскакивает, «как ужаленный».

В повести неудачна обрамляющая повесть. Она делает повесть несколько тяжелой, неуклюжей. Превращению Красавчика не верится. Без обрамляющей повести повесть была бы крепче.

В повести есть еще одно большое достоинство: ее с начала до конца интересно читать. Она несомненно и заслуженно будет пользоваться успехом у читателей.

УТВЕРЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

Перед нами талантливая книга. Ее написал Георгий Байдуков. О Байдукове-летчике написано много статей, очерков и рассказов. О Байдукове-писателе почти что ничего не сказано.

В этой статье хочется поговорить о Байдукове-писателе. Есть книги, которые сразу же после выхода в свет прочто и надолго оседают на полках книжного магазина или библиотеки. Даже шегольской перелет из лучшего дерматина и золотое тиснение не сбавляют читателя вступить в дружеские отношения с такими книгами.

Но есть и другие. Серенькая с виду — отмеченная на плохой бумаге, книга не успевает еще получить библиотечного «паспорта», а за ней уже стоят очереди.

Такая книга не уживается на библиотечной полке со своими скучными соседями. Такая книга — желанный друг читателя: ее бережно завертывают в газету, о ней говорят.

Конечно, для писателя, если он настоящий художник, радужный прием читателя — почти единственная цель всех его усилий.

Хорошая идея, подлинное произведение искусства дойдет до читателя и без дорогой упаковки. Но утешиться этим можно только от бедности. Как говорит турецкая пословица: «от бедности не умрешь, но и не улыбешишься».

Гослитиздат скверно назвал книгу Байдукова. Бледная обложка. Серая бумага, серая печать, нарочито бездарные иллюстрации и, извечный спутник, «замеченные опечатки».

А между тем книге предстоит большой путь в путешествие среди читателей.

Георгий Байдуков — прославленный летчик. По одному этому обстоятельству его книга должна была вызвать огромный интерес у читателей.

Знаете ли вы, что в то время, когда вы читаете эту книгу, в небе летают сотни самолетов. А это не каждому дано.

Байдуков дал своей книге скромное название «Записки пилота».

Но от традиционного жанра записок, кроме названия и известных фактов о полете через Северный полюс в Америку, в книге ничего нет. Здесь все от настоящего литератора. В книге собрано тридцать девять повестей.

Байдуков — человек большого такта. Пилот Байдуков не противопоставляет себя писателю Байдукову. А ведь сколько соблазнов подстергало его на каждом шагу!

Профессия пилота увлекательна и опасна, и нередко жизнь авиатора кончается трагической развязкой. Байдуков — летчик-испытатель, и он знает об этом больше, чем кто-либо другой. Но в рассказах Байдукова нет ничего трагического, нет отступлений, нет справок, нет дуперадирующих трагедий. Даже в трагическом писатель умеет найти смешное.

В повесте «А где у вас лестница?» рассказан случай о том, как допотопный «Хавелек» врезался в крышу ангара. Шум и адский треск, сопровождавшие это событие, могли бы увлечь писателя на гиньольное описание катастрофы. Но Байдуков рассказывает об этом с чувством необходимой осторожности.

И действительно, зачем же тревожиться, когда вскоре после того, как самолет зарылся носом в крышу ангара, из кабины его вдруг вылезла девушка и спокойно спросила:

«— А где же у вас лестница?» И тогда:

«У самого карниза мы увидели высокую, стройную девушку с золотистыми волосами. Она была немногою скомфюванна таким большим количеством свидетелей и вельсов-мла в руках шлем и уцелевшие каким-то чудом очки».

Старший механик выругался и все же приказал подать ей лестницу, а сам деловито занялся заводкой самолетов обратно в ангар. Девушка сняла, и она, раскрасневшись, убежала на старт, где ее поджидал ошеломленный инструктор».

И все. Так же замечательно и спокойно, без

восклицательных знаков написана повесть «Автоматизм». В этой повести Байдуков рассказывает о том, как старый, заслуженный пилот, мастер своего дела, попался первый раз на самолете с убранным шасси, а когда приземлился, забыл выпустить шасси и вместо привычных трех точек плюхнулся всем телом самолета на землю. Это маленькая повесть, — в ней всего лишь тридцать три строчки, но она волнует сильнее, чем если бы на эту тему был написан большой рассказ с большим количеством подробностей.

Во всех новеллах в качестве активного или пассивного действующего лица присутствует сам автор. Но это не дает никакого повода считать книгу Байдукова книгой личной темы.

Напротив, ее окупаешь как тему о советском замечательном человеке, — так много в ней типического для человека нашего времени. И в смелом, и в трагическом, и в гневном Байдуков воспекает жизнь. Утверждение жизни — вот тема книги Байдукова.

Когда читаешь грустные записки Амелии Эрхарт или талантливого книгу Джамии Коллинза, невольно чувствуешь трагическую развязку с первых же страниц. Настроение обреченности — неизбежный спутник талантливых одиночек в буржуазном обществе. — такова тема Амелии Эрхарт и Джамии Коллинза.

Хорошо жить и работать в нашей стране, когда летчик — любимец народа: когда от отважных соколов советской авиации заботится партия и правительство и лично Сталин. Таким настроением проникнута книга Георгия Байдукова с первых же страниц.

У пилота было тяжелое детство. Сын нужды, он родился и воспитался на глухом сибирском раз'езде.

Рассказом о Ване Байкове, пожалуй, самые удачные вещи во всей книге. В этих рассказах («Охотники», «Неудачный экзамен», «Жизнь на рельсах» и «Сто сорок третий») Байдуков показал себя незаурядным мастером.

Обычно биограф старательно ищет в генеалогическом древе жизни героя любые черточки, предопределяющие развитие его таланта.

Если это самороз-невец, то биограф обязательно разыщет какого-нибудь дедушку этого героя, певшего в местном церковном хоре; если художник... и так далее.

Байдуков в детстве не мечтал об авиации, не строил моделей, не летал с крыш с бабushинским зонтиком в руках.

Но у него было стремление выйти в люди, он был наделен непоколебимой волей и закалял себя на тяжелой работе железнодорожного рабочего, грузчика, кровельщика, плотника.

Байдуков в детстве не мечтал об авиации, не строил моделей, не летал с крыш с бабushинским зонтиком в руках.

Но у него было стремление выйти в люди, он был наделен непоколебимой волей и закалял себя на тяжелой работе железнодорожного рабочего, грузчика, кровельщика, плотника.

ТАИР ЖАРОКОВ

ПЕСНЯ ОБ ОРДЕНЕ

Весеннему подобно солнышко,
От пошлости души я песь пою.
Кремлю родному, солнцу и земле
И жемчуг слов с любовью отдаю.

Внимают песне горы и леса,
Морской прибой, поля и небеса,
Аму-Дарья и Волга, тихий Дон,
И Ала-Тау — всей землей враса.

Я рос в степи Казахской золотой,
Где льются песни звонкою рекой,
Струющаяся серебря серебром,
Перебирая камешки волной.

Владеет счастьем вольный мой народ,
И счастье то никто не отберет!
Любимый Сталин дал мне дар певца,
Я песен стаю отпускал в полет.

Нам Лениным и Сталиным дан путь,
И полной грудью смог народ вздохнуть.
Часам кремлевским сердце в дал стучит,
Чудесной песней наполняя грудь.

И грудь моя, как шахта, где лежат
Слова для песен — драгоценный клад!

И он вышел в люди; об этом, собственно, и написана его книга. Талант и труд — неразлучные спутники в дороге к настоящему искусству. Писатель Байдуков — на хорошей дороге.

Он талантлив и трудолюбив. «Записки пилота» — вторая книга Байдукова. Первая книга — «Через полюс в Америку» — была им написана для детей.

Во всем известно, что только пятый вариант этой книги пошел в печать. Причем почти все варианты Байдуков браковал сам.

Жюль Ренар в своем дневнике бросил крылатую фразу: «Труд — думает, лень — мечтает».

В этом афоризме есть доля правды. Только большим трудом созданные произведения удаются легко и оставляют впечатление, что их делал мастер и делал легко.

Таковы новеллы Байдукова. Как живой, перед нами встает друг писателя, великий летчик нашего времени Валерий Чкалов. В новеллах: «Двое упрямы», «В летной комнате» и в главе «В Америку через полюс» с необычайной теплотой Байдуков рисует портрет своего друга, этого русского человека с широкой душой, упрямой волей и необычайной добротой.

Еще большей силой и выразительностью проза писателя приобретает в двух небольших по размеру, но больших по значению вещах о Сталине.

В двух новеллах: «Я видел Сталина» и «В гостях у Сталина» Байдуков рассказывает о лучшем друге советских летчиков, о вожде народов. Эти рассказы читаются с особым волнением. Они написаны без напряжения, мастерски. В них мы видим Сталина, любящего сына и с увлечением рассказывающего об экалупитах как противонапильном средстве, которым пользовались англичане и американцы при постройке Панамского канала и при освоении Австралии. Сталина, играющего в кельи. Сталина, поющего доблестные и грустные песни. Сталина забавляющего укрывающего одеялом уснувшего на диване гостя (Чкалова), Сталина — замечательного рассказчика. Сталина-отца. За эти новеллы читателя будут особенно благодарны Байдукову.

Книга не лишена недостатков. Новеллы «Смысл жизни» и «Четыре вопроса» излишне риторичны. Диалоги часто переходят в монологи, а это способно вызвать скуку.

Но в общем хорошая книга, поучительная.

Книга Байдукова полезна для писателей — она учит терпению и трудолюбию.

Книга не лишена недостатков. Новеллы «Смысл жизни» и «Четыре вопроса» излишне риторичны. Диалоги часто переходят в монологи, а это способно вызвать скуку.

Но в общем хорошая книга, поучительная.

Книга Байдукова полезна для писателей — она учит терпению и трудолюбию.

Б. ГРИФЦОВ ДИСКУССИЯ О ПЕРЕВОДЕ

Всего естественнее открыть дискуссию вопросом о переводе драматической литературы. В этой области положение наименее благоприятно. Достаточно ясно определены принципы перевода поэм и стихотворений. Уже никто теперь, переводя роман, не ограничивается самовольным изложением оригинального текста. А когда переводят для театра, то слышь и рядом меняют даже фабулу пьесы, не говоря уже о стихотворном размере, если она написана стихами, или о колорите языка, о стиле, если пьеса написана прозой. В сфере беллетристики давно исцелили обезличенные переводы, здесь намечались уже, в каких жанрах и над какими авторами работает тот или иной переводчик. Но взгляните в каталог иностранных пьес, идущих на советской сцене: комедия «Стакан воды», перевод Платона Рутковский и Дерманка; второй перевод — Полякова, Зайцевой и Архипова; третий перевод — Надеждина, Фишман и Сабурова; «Хозяйка гостиницы» — Полякова, Зайцевой, Архипова; «Женитьба Фигаро» — Бергсона, Массе и Маркова и т. д.

Некоторые песемисты уверяют, что хороший перевод драматического произведения вообще имеет мало шансов попасть на сцену, что пресловутая «спеленчатость» перевода сводится всегда к упрощению оригинала и к эффектам, не предусмотренным в оригинале. Как правило, такое утверждение, конечно, неверно. Есть очень значительные достижения советского драматургического перевода, лучше образцы которого проносятся на сцену. И все же наряду с ними и на равных правах с ними некоторые театры предпочитают ставить перевод обезличенный, обезличенный, дающий крайне искаженное представление об оригинале.

В этом смысле очень показательны постановки самой значительной комедии

Мольера «Тартюф», которая за годы советской власти обошла все сцены театров областных, районных, колхозных, провинциальных и в театры народов СССР. Никогда еще за двести семьдесят лет своего существования ни в одной стране она не пользовалась таким успехом. Но ставил ли кто-нибудь всерьез вопрос о том, хороши ли, верны ли переводы этой великошейной, резко-сарказической комедии Мольера? Она ставится уже очень давно на русской сцене. Сто лет назад ее переводили на русский язык, давали ей и заглавия русские: «Ханжеские или обманщики», «Фарисеи, или обманщики». Шестьдесят лет назад появился перевод Д. Минаева, десятью годами позже — перевод В. Лихачева. С 1929 года иногда ставился (Ленинград, Тула, Пенза, Омск, Горький и др.) новый перевод Мих. Лозинского, в отдельном издании только что выпущенный издательством «Искусство». Наибольшей же популярностью пользуется перевод Лихачева, который, в частности, переведен «Крестьянской газетой» в 1935 году специально для колхозного театра.

Даже немногие примеры дают читателю представление о сравнительной ценности этих переводов.

Начальная сцена первого акта. Властная старуха, глава семьи, г-жа Пернель удерживает от сына, разгневанного.

Лозинский переводит точно, вкладывая в каждую строчку содержание соответствующей строки Мольера:

Миниаев: Но почему вы так торопитесь, мамаша?
Г-жа Пернель: А потому что мне неспокоен этот дом,
И я внимания не вижу здесь ни в ком.
И ужоу от вас обижена кровно:
Все, что я ни скажу, встречают пресловенно,
Поттенья ни на грош, не помолчит никто,
Ну, прямо, я скажу, двор короля Пето.

Лихачев произвольно разбивает текст на десять с лишним строк, очень многое вставляет от себя, ни одной мольеровской фразы не переводит точно и разжижает текст множеством многоточий и восклицательных

знаков, не свойственных категоричности Мольера:

Миниаев: Г-жа Пернель: К чему вы так торопитесь...
Г-жа Пернель: К чему?
Пернель: Нет сил моих! мне тягостно и больно
Все это видеть! Да! как мать —
Я впрямь, я... обязана сказать:
Я очень, очень недовольна.
Помилуйте, что это за семья?
Ни в ком ни страха, ни почтения...
У всякого свои и взгляды, и сужденья...
Скажите мне: где очутилась я?
На рынке? в таборе цыганском?
Не знаю... но никак не в доме христианском.

Из последних десяти строк только одна — шестая — близка к тексту Мольера. Все остальные — чистейшая выдумка переводчика. Лихачев своим переводом вынуждает актеру совершенно не мольеровские принципы игры. Лихачев выводит паузы, где их нет, оговори стаяками: «мне тягостно и больно», «Я впрямь, я... обязана», «Помилуйте, что это за семья», «скажите мне...», «Не знаю...», «Итак, Лихачев, искажая и содержание и форму мольеровской комедии, заменяет ясный рисунок роли обивчивыми, мелкими линиями. Перед нами не властная французская дворянка эпохи Людовика XIV, а дряблая русская интеллигентка восьмидесятых годов прошлого века.

Миниаев старается вложить текст в то же количество строк, что у Мольера, но легко убедиться в его неумении справиться со своим благом намерением:

Миниаев: ...Но почему, мамаша,
Так скоро вы от нас собрались?
Г-жа Пернель: Потому,
Что вашего житья я выносить не в силах.
Во всем перечите вы вправу мою:
Не смей сказать словечка никому.
И в доме родственников моих
Не хочет уважать меня никто.
Здесь просто-напросто двор короля Пето.

Конечно, это гораздо лучше, чем у Лихачева. Однако и здесь тон властной госпожи Пернель искажен. У Минаева она шутит: «И в доме родственников моих...»

Это присочинено Минаевым, и всякий догадается, зачем. Переводчику нужна была рифма к слову «схла». Разве позволяла бы себе г-жа Пернель шутить, читая отповедь своей снохе и внукам?
Г-жа Пернель удерживается, прервав свою речь на половине стиха, заканчиваемого Клеантом. И Лихачев и Минаев не соблюдают этой детали, позволяя режиссеру сделать паузу между первой и второй строками. И это будет ошибкой. Нельзя безнаказанно нарушать законы мольеровского стиха. Никакой паузы! Очевидно, г-жа Пернель кончает свою реплику, уже залюбовавшись со собой, и стих, начатый ею, сейчас же подхватывает Клеант. Сама форма стиха объясняет в такой мизансцене. Ритм всей пьесы зависит от особенностей стиха. Это понятие только Лозинский. Во второй строке есть реплика Клеанта, очень простая, но как нельзя ярче свидетельствующая о тенденциях переводчиков. Вот три перевода этой реплики:

Лихачев: Но как раскипятилась!
И что ей так в Тартюфе полюбились?

Минаев: Из-за чего на всех накинулась она?

Старуха, кажется, в Тартюфа влюблена.

Лозинский: Как из-за пустяков она раскипятилась!

И как про своего Тартюфа сладко пела!

Дворянин Клеант у Лихачева говорит, как рыночная торговка: «раскипятилась». Присочиненное Минаевым предположение о влюбленности г-жи Пернель сбивает с толку режиссера. И только Лозинский перевод дух эпохи, характерные особенности речи каждого персонажа. У Лихачева и Минаева все смешалось. Никакой исторической перспективы, никаких социальных различий. Несчастные актеры, которые вынуждены играть такой путанный текст! Это еще в большей степени относится к крайнему монологу Клеанта (акт I, сцена 6).

Лозинский переводит этот монолог с большим подъемом, особенно стихи 9—18 — основу монолога:

Чем времени ложного подпольно-яркий свет,
Чем эти лозачи, продажные святоши,
Которые, наряд выглажив самородный,
Играют, не страшась на свете ничего,
Тем, что для смертного священные всего,
Чем люди, полные своерочным жаром,
Которые, нормальсь молитвой, мантоваром,
И славу и почет кушут себе хотля
Ценой улыальных глаз и вадюхов напрокат.

(Подчеркнуто мною. — Б. Г.)
В переводе этой тирады у Лозинского есть погрешность: строя весь монолог, как у Мольера, на сравнении «чем... чем...», он очень затрудняет актера фразой: «Тем, что для смертного священные всего». Конечно, эту строку надо переводить. Но даже несмотря на погрешность, до какой степени здесь перевод Лозинского выразительно бледного перевода Минаева:

Что наглых шарлатанов и глушпов,
Которые под маской благочестия
Скрывают нравственную грязь
И сердце низкое и полное бесчестия,
Вполне я презираю. Не боюсь
Ни бога, ни людей, крикливых эти
Глушатся сами же всегда
Над тем, что дорого и свято нам
На свете,
И благочестие в последние года
В торгующую, в ремесло оборотили.
Минаевым смачены полностью мольеровские реалисты, заболтованные Лозинским. Вместо этого Минаев, несколько не считаясь с Мольером, утверждает, что только «за последние года» (ради рифмы к слову «всегда») появились ханжи. На какое равнодушие обрекает актера вялая минаевская фраза «Вполне я презираю» или глубоко прозаическое «думается сами же всегда». Где здесь гневный стих Мольера? Какая посредственность!

Эти знаменитые десять стихов Лихачев пересказал совершенно обезличенными пятью с половиной строками:

Зато, уж не выщип, не выношу ханжей!
Не выношу всех этих лицемеров,
Пронрав, святошей, извергов
И благочестия бесстыдных торгашей...
У них-то именно нет ничего святого:

Одна корысть.
Какой позор, что по милости неравных режиссеров, эта чиновничья благонамеренная отписка звучит на советской сцене взамен ярких, бьющих стихов Мольера! И еще большой позор, что «Крестьянская газета» рекомендует всем колхозным театрам ставить «Тартюфа» в переводе Л

Мысли перед с'ездом

АННА КАРАВАЕВА

Тезисы докладов товарищей В. М. Молотова и А. А. Жданова показывают нам, с какими величественными итогами...

В свое время советская литература довольно широко отразила тот период в жизни нашей страны, о котором в «Истории ВКП(б)» говорится, что это было время, когда рождался «спрос» о судьбах социализма в Советском Союзе.

Наряду с образами новых героев-коммунистов, комсомольцев, бойцов гражданской войны литература показывала нажившиеся, прямые порождения капитализма: спекулянтов, торгашей, кулаков...

Многие в нашей литературе забылись, как забывались второстепенные подробности и случайные шпунтики. Что же остается как основной хребет нашей литературы, как плодородная почва, дающая богатый урожай для будущего?

Мы — государство трудящихся, о котором мечтали создатели научного социализма Маркс и Энгельс. Наше государство создано на основе науки, революционной науки Ленина — Сталина.

Тагетение многих писателей в истории русского народа похотело и похотило. Однако два-три десятилетия перед пленением паризма представляют собой период особенно конденсированный в смысле плотности событий и движения истории.

Партийно-исторический роман — это широкая и красочная картина жизни значащей огромной неустрашенной страны, безар-

«острого, ясного реалистического гуманизма Ленина!»

Партийно-исторический роман будет также произведением о великом социалистическом гуманизме — и для художника нет задания более монументального и почетного, как создать произведение, посвященное истории нашей партии.

Проблема коммунистического воспитания людей приобретает совершенно исключительную важность в нашей советской литературе.

Какой глубокий смысл заключается в одной сжатой строке партийных тезисов о праве критиковать любого партийного работника.

Самолюбленные честолюбивы, они всюду, где только появляются, окружают свою особу пыльной «сертификатной» сурой и превращаются в помпидуров.

В иной дозировке, в виде пятен, смени на здоровом теле встречаются пережитки капитализма в сознании и привычках хороших людей.

Наша русская и мировая классическая литература воплотила в бесмертных образах исключительного изобретения многообразие несчастных героев.

Мы, работники и хозяева нашей могучей страны, один из передовых отрядов ее интеллигенции, должны шире и лучше показывать торжество социализма, высокий, чистый и сильный облик нового человека.

Та же задача уже много лет поставлена и перед переводчиками. Лучи ленинско-сталинской национальной политики оживили и этот уголок, оказавшийся весьма важной и просторной площадкой поэтической деятельности.

В новом издании есть переводы и Гербеля, и Мея, и Сологуба, и Белоусова. Одно из чудеснейших стихотворений Шевченко «Платок» Мей переводит четырехстопным хором, с женской рифмой.

Ведут коня вороного, Разбиты копыта, А на том коне седельце Платочком покрыто.

Ох, ведити и вороного! Паробити все копыта, У него седло покрыто.

Об одной партгруппе

От нашего специального корреспондента

С большим подъемом готовится писательская общественность Харькова к XVIII с'езду ВКП(б). Здесь живут и работают 70 писателей — членов и кандидатов ЦОП Украины.

Обусловие этих исторических документов вызвало большой подъем среди писателей. Литераторы объединили одну мысль о патриотизме, они глубоко поняли, какую важную роль призваны сыграть советские литераторы в коммунистическом воспитании трудящихся.

Напряженная творческая работа особенно приближала многих писателей к партии. Ряд беспартийных писателей готовился вступить в ее ряды.

Но коммунисты среди харьковских писателей пока мало. Партийная группа отделения союза писателей об'единила до недавнего времени 5 коммунистов.

Вновь в этом прежде всего сами коммунисты. Дело в том, что долгое время в работе партийной группы имели место серьезные политические срывы.

Она не пользуется должным авторитетом среди писателей. Причины этого лежат между прочим в том, что сама партгруппа состоит в большинстве своем из людей, которым предстоит еще многое сделать, чтобы оправдать высокое звание коммуниста-писателя.

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Институт литературы организует цикл лекций по художественной литературе в помощь изучающим историю ВКП(б).

Лекции в помощь изучающим историю ВКП(б)

В книге есть первоклассные переводы. Перевод бесмертной «Заповеди», сделанный Тихоновым с тончайшим мастерством, которое особенно требовалось в труднейшей четвертой строфе:

Все покину, в небо ринусь К божему порогу Полюбитесь. А до тех пор Я не знаю бога.

Думы мои молодые, Похорошеют дети,

тня администрировал и сделал все возможное, чтобы возвести барьер между партгруппой и беспартийными писателями и противопоставить их друг другу.

Партийная группа имела все условия для того, чтобы возглавить творческую и политическую активность беспартийных писателей.

Однако партийная группа, руководимая т. Плахтинским, не этим занималась. Грубое администрирование и запугивание — избранный метод руководства т. Плахтина.

Слыше двух месяцев назад собрание партийной группы снова Плахтинского с работы партгруппы, об'явило ему выговор и поставило вопрос перед Кагановичским райкомом о выводе его из состава членов пленума райкома.

Вместо того, чтобы опросить вновь избранного партгруппы т. Юхвила, почему коммунисты молчали и не давали Плахтину никакого отпора, то получили довольно странную ответ.

Так при своеобразном «снемешательстве» многих коммунистов Плахтин «руководил» партгруппой.

К сожалению, Кагановичский райком и Харьковский горком партии уделяют партгруппе недостаточное внимание, плохо связаны с писателями, не интересуются их творческими чаяниями.

В. НАПЛАН

Американцам, павшим за Испанию

Мертвые в эту ночь спят в холодной земле Испании. Они метят следы оливо-вых рощ, забавляются между корнями деревьев.

Два года прошло с тех пор, как батальон имени Линкольна держался четыре с половиной месяца на высотах Харамы, в первые американцы, павшие там, давно уже стали частями испанской земли.

Мертвые в эту ночь спят в холодной земле Испании и просят всю холодную землю, пока спит вместе с ними земля. Но весной хлынет дождь, чтобы земля стала рыхлой и теплой.

Почему что наши мертвые стали частями испанской земли, а испанская земля никогда не вернется к рабству. Крестьяне, которые вспахивают землю, где лежат наши мертвые, знают, за что эти мертвые пали.

Наша мертвые живы в сердцах и в мозгу испанских крестьян, испанских рабочих, всех простых, хороших, честных людей, которые верят в Испанскую республику и борются за нее.

Испанский народ встал против них, как он всегда вставал против тиранов. Мертвым больше не надо вставать. Теперь они — часть земли, а земля нельзя покоришь. Земля пребудет воевать.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК УССР

22 февраля на сессии Академии наук УССР состоялось избрание новых действительных членов и членов-корреспондентов.

У Шевченко: Над головой уже трясет Косов смерть.

У Тихонова: «Чтоб поля необоримы» Не лучше ли: Чтобы даль полей широкых?

Идет уже не первый год спор между «дословщиками» и «украшателями». Он продолжается сейчас и на страницах «Кобзаря».

С. ГОРОДЕЦКИЙ «КОБЗАРЬ»

Есть признак, по которому безошибочно узнаются поэты мирового значения; это — умение так раскрывать национальную форму поэзии, что она приобретает общечеловеческое звучание.

К числу таких поэтов принадлежит и Тарас Григорьевич Шевченко. Народ поларил его мудрым ум и чуткое сердце. Рождение в крепостной семье и раннее сиротство с детства показали ему весь ужас крепостного права.

Выход в свет «Кобзаря» — в российском переделах — является крупнейшим событием в нашей литературной жизни. Много поколений ждало этой книги.

Литературная газета № 12

«СКАЗКА»

Новая пьеса Михаила Светлова в Московском театре для детей

Будущие историки, несомненно, научатся распознавать в играх детей характерные черты и отражения разных эпох.

До революции во всей богатой учебной России дети любили играть в то, о чем они читали в книгах или видели в театре. В комнатах и в саду, во дворе у помойной ямы путешествовали отважные дети капитана Гранта, терпели кораблекрушение и боролись за жизнь Робинзон Крузо. Сплавлялся в бой восставших гладиаторов, проходила чудеса пропавших в пустыне Селюпы и Шерлок Холмс. Тут же действовали и герои-злодеи, из-за золота грабившие, разбойничавшие, убивавшие...

Игры детей были богатым. От сказки обязательной жизни дети спасались в мир, вымышленный из книг или увиденный в театре.

Потому что литература и театр были лучше и интереснее жизни.

Во что играют советские дети? В чепуху, в павлиньи, в Чкалова и Водопьянова, в передель героической «Роллинсы», в поргачинок и героев Озера Хан. Лишь немногие игры — в Чапаева, в Александра Невского — пришли в детскую игру из кино, большинство вагто прямо из окружающей действительности.

Дети играют в жизнь потому, что наша жизнь гораздо богаче, ярче и разнообразнее детских книг, театра и кино.

Пьеса Михаила Светлова «Сказка» рассказывает о советской жизни, о героях ее и строготях, советских людях.

...Мы внимательно изучаем
Каждый шорох земных глубин,
Наше мужество мы считаем
Самой главной из дисциплин!

Герои светловской пьесы веселятся, острят, смеются:
...Веселое, друзья, глядите:
Первым делом — не упывать!
От ступенчатых обещаний
До бесмертия руткой поаты!

Каждому из них автор с любовью дал запоминающуюся характеристику. И зритель не может не любить безбожницу Таню, которая говорит «боже мой!» и с суровой хозяйственной нежностью опекает друзей. Катю, которая считает себя трагической и совершает самые смелые поступки, но ее мнением, из трусости. Иногда характеристика того или другого персонажа сопровождается песней — замечательной светловской песней. Песни эти не имеют самостоятельного литературного характера. Когда поет Яков поет:
...Сто врагов — пена пылкая крови!
За нее дешево не возьму...

— то это и есть характеристика героя, и нельзя оторвать эту песню от героя.

Когда все песни спеты, и веселье пришло, товарищи предлагают поехать, студенту Ване, сочинить для них сказку. О мужестве, о детях, о золоте...
— Войдите, Иван Анисимович! — начинает Ваня.

И в комнату входит Иван Анисимович — отец Тани и директор того вуза, где они учатся. Он объявляет, что все они едут в экспедицию. — «Куда?» — «В тайгу». — «Когда?» — «Затра». — «Зачем?» — «За золотом»... Эти вопросы и ответы, произносимые по несколько раз как сказочный повтор, уже вводят зрителя в будущую сказку.

И перед нами разыгрывается сказка-экспедиция, которую рассказывает Ваня и в которой выступают все студенты, Иван Анисимович и его младший сын Шурик.

Это — самая настоящая сказка, полная фантастических приключений, страшных опасностей и вмешательства сверхъестественных сил, добрых и злых. Но страшное дело! В нашей стране эта сказка при-

обращает неожиданную реальность, атеисты оказываются не Бабами-Ягами или Змеями-Горынычами, а людьми, враждебными нашей жизни, а близкими благородными волшебниками выступают управляющий золотыми приислами Поселов и старшие «дедушки» золотопромышленники (они из них открывают экспедиции местонахождение золота).

Герои добывают золото для нашего государства. И тут выясняется самое замечательное, самое сказочное: в личной жизни у нас золото уже никому не нужно! Новое сказочное поколение уже не знает его рожовой и подлой власти над человеком! Прекрасна сцена, когда Шурик и его друг, мальчик Вилан, напряженно думают о том, на что может стоиться человеку золото — на искусственные зубы? Нет, на прекраснейшей стали или красивее. На вечные перья? На пуховый для форменной одежды?

Сказка Ваня о мужестве, о детях, о золоте — это сказка о мужественных детях нашей страны, больших и малых, доблывавших золото не для себя. Они — сами золото, как говорит один из старателей. А главное — они богаты и без золота!

Пьеса, конечно, не лишена недостатков. В ней есть еще некоторая недоработанность, в особенности в конце, где несколько неправдоподобно выглядят эпизоды: Ваня-комсомолец убивает Ваню — мнимого врандителя. Неудачной — или неудачливым — кажется также почти пародийная фигура западного Великого Охотника, который стреляет только тогда, когда никто не видит и не слышит.

Но эти недостатки пьесы с избытком окупаются радостной поэтичностью ее содержания, глубиной и свежестью мысли, оригинальностью форм.

«Сказка» трудна для постановщика и актера. Вероятно, в иных театрах ее будут играть как очередную вариацию темы о внепространственных бодрыках-комсомольцах, которые в огне не горят, в воде не тонут. Постановщики «Сказки» в Московском театре для детей — заслуженная артистка РСФСР О. И. Ныжова и В. В. Бибиков — не пошли по этому пути. Не поддаваясь соблазну испытанных и «обреченных на успех» приемов и приемчиков, постановщики добились от молодого актерского коллектива в остроте, в воле не тонуть. Постановщики «Сказки» в Московском театре для детей — заслуженная артистка РСФСР О. И. Ныжова и В. В. Бибиков — не пошли по этому пути. Не поддаваясь соблазну испытанных и «обреченных на успех» приемов и приемчиков, постановщики добились от молодого актерского коллектива в остроте, в воле не тонуть.

Пьеса, конечно, не лишена недостатков. В ней есть еще некоторая недоработанность, в особенности в конце, где несколько неправдоподобно выглядят эпизоды: Ваня-комсомолец убивает Ваню — мнимого врандителя. Неудачной — или неудачливым — кажется также почти пародийная фигура западного Великого Охотника, который стреляет только тогда, когда никто не видит и не слышит.

Но эти недостатки пьесы с избытком окупаются радостной поэтичностью ее содержания, глубиной и свежестью мысли, оригинальностью форм.

«Сказка» трудна для постановщика и актера. Вероятно, в иных театрах ее будут играть как очередную вариацию темы о внепространственных бодрыках-комсомольцах, которые в огне не горят, в воде не тонут. Постановщики «Сказки» в Московском театре для детей — заслуженная артистка РСФСР О. И. Ныжова и В. В. Бибиков — не пошли по этому пути. Не поддаваясь соблазну испытанных и «обреченных на успех» приемов и приемчиков, постановщики добились от молодого актерского коллектива в остроте, в воле не тонуть.

Оформление художника Вильяма поистине великолепно по своей живописной красочности. Можно сказать, что оно глубоко музыкально: его воспринимаешь как воплощение самой идеи партитуры, как своеобразную часть этой партитуры.

Второй — «польский» — акт «Сусанина» трактуется сейчас не как танцевальный дивертисмент, а как своего рода хореографическая драма. Превосходная идея, превосходно к тому же и осуществленная! Музыкалит с особой приязнью отметил, что сейчас в этом втором акте открыта давнишняя купюра в финале. На наш взгляд, только танец сатиров и нимф нарушает стиль этого действия. Замечены также темпы, взятые дирижером в этой сцене.

Глинка очень часто корился за то, что поляков в своей опере он дает только в танцевальном ритме и даже в лесу польский оркестр движется как будто нет в полонезе, нет в мазурке. Студия ныне оперу на сцене, в полной мере понимаем, какой потрясающий гениальный замысел

здесь был у Глинки. Прямательно, что назвать глинкавских «поляков» мог как раз сам Шопен. Мы знаем в виду его знаменитый пятый полонез Фас-моль с противопоставлением трагической первой темы мажору в средней части. В «Сусанине» Глинка нарочно сопоставляет второй, «польский» акт и сцену в лесу.

Чем более наряден и пышен этот второй акт, тем больше удовлетворение испытывает наш зритель при виде потускневшей и помятой полноты запознанных панов в сцене в лесу. Эта сцена режиссерски наиболее удачна.

В первом акте В. А. Мордвинов, казалось, нашел верный стиль, тон и правильные пропорции в отношении оперной условности и драматической «игры». Акт этот поставлен просто, без претензий, на скупых движениях. Но в дальнейшем найденное в первом акте было режиссером утрачено.

Наиболее слаба в спектакле первая сцена последнего акта (трию). Возможно, что известную роль здесь играет и то, что вообще этот акт в спектакле задуман неудачно. Мы не знаем не только в русской, но и в мировой оперной литературе произведения, в котором в такой полной мере, так ярко, четко и глубоко была выражена идея патриотизма. У Глинки в опере (мы говорим о музыкальной драматургии ее) нет ничего внешнего, кричащего, сущально-попозного, ложно-патетического. Все предельно сжато, лаконично. Это во многом облегчает работу режиссера: не надо ничего придумывать, присочинять, ничего особо подчеркивать, — все и так бьет в одну точку, посвящено одной идее. Режиссеру остается только придерживаться Глинки, довериться ему. И там, где постановщики шли путем за Глинка, — они добились успеха. Там, где они начали мудрить, там их ждали неудачи. Постановщики хотели придать «Сусанину» монументальность. Это хорошо. Но ведь хор «Славься» у Глинки — это не только оперный апофеоз, но и завершение драмы, и при всей монументальности и грандиозности, этот гимн-марш полон огромного внутреннего движения, ритмического разнообразия. И, конечно, сцена народного праздника на Красной площади, народного торжества была бы более уместной и более соответствующей Глинке, чем однолинейное «стоячее» исполнение хора. Дело, однако, не только в этом.

У Глинки последний акт задуман необычно смело и поистине гениально. Вначале композитор дает сцену на улице, возле Кремля. Изначал, из-за сцены плачущим звучит «Славься». На сцену выходит

семья Сусанина — Антонина, Ваня, Сусанин. Следует трию, в котором они рассказывают московскому люду о полноте и смерти их отца, Ивана Сусанина. Затем открывается картина уже на самой Красной площади Народ торжествует свою победу; Антонина, Ваня, Сабиния слышатся со всеми многочисленными участниками замечательного празднования. Такова идея этой сцены, этого акта, в котором завершается драма Сусанина. Сейчас, в новой постановке Большого театра, первое проведение «Славься» (за сценой) выбросили вовсе (вообще в партитуре сделаны иные купюры). Народный праздник заменен концертным номером, и драма Сусанина обрывается на траурном трию.

Нечто подобное случилось и с присочиненным сейчас прологом. Первый хор (видюх крестьян — мужчин и женщин), с которого начинается опера, для Глинки чрезвычайно важен, — хор поет тот же мотив, те же слова («Страха не страшусь, смерти не боюсь»), которые потом, в трагический момент встречи с поляками, Сусанин гордо бросит в лицо своим врагам. Чрезвычайно характерна эта повторяющаяся Сусанина и народа. Сусанин повторяет те же мысли, те же слова, он неотделим от народа, он — один из народа. В спектакле Большого театра этот первый хор исключен из действия, он исполняется отдельно, в виде «стоячего» пролога. Причем и слова поются новые и иные, так что «перелачки» сейчас уже не получаются. Это существенно меняет концепцию Глинки: столь важная и для Глинки и для нас связь Сусанина и народа в известной мере нарушена. Надо к тому же добавить, что в новой постановке опускается вся первая сцена в лесу (с арией «Братцы, в мезель»), где народ идет спасти своего героя, в III акте вырезывается также хор «Мы на работу в лес», который в опере показывает сердечную дружбу Сусанина с крестьянами его деревни. В этом, конечно, серьезный порок новой редакции оперы.

Спектакль «Иван Сусанин» в Большом театре вызывает, вероятно, самые горячие споры. Это будет очень хорошо. Но важно всесторонне обсудить эту работу. Ведь примеру Большого театра в ближайшее же время последуют многие и многие советские музыкальные театры. Речь должна идти, таким образом, об установлении нового канонического текста «Ивана Сусанина», о принципах его интерпретации. И самому Большому театру, нам кажется, следует учесть и выправить отмеченные просоры пометки постановки. Тогда спектакль «Иван Сусанин» станет еще более цельным и драматически ярким.

В. ШКВАРКИНА

Вечер, посвященный творчеству мастера советской комедии В. В. Шкваркина, состоялся 26 февраля в Клубе мастеров искусств.

14 лет назад в двух московских театрах шла историческая драма о предельности бывшего народоловца Дегеева «В глухое царствование», получившая первую премию на конкурсе московского отдела народного образования. Это была первая пьеса В. Шкваркина. Тогда никто еще не мог предвидеть в ее авторе будущего комедиографа. Но уже вторая пьеса «Южурку света» (поставленная в бывшем театре Юрши) и последовавшие за ней восемь пьес: «Вредный элемент», «Лира на прокат», «Шулер», «Кто идет?», «Доктор Егор Кузнецов» и, наконец, «Чужой ребенок», «Весенний сморз» и «Простая девушка» — раскрывают яркий комедийный талант писателя.

Обзор творчества В. Шкваркина следует на вечере заслуженный артист РСФСР Н. М. Горчаков.

Секрет успеха произведения Шкваркина его талант. Но замечательности интриги советских комедий прошлого, как Скриб и Сарду. Основная идея всех пьес Шкваркина — борьба с пошлостью и мешанинностью, с предрассудками и обязательностью, которые он бичует смехом. Его любимый герой — маленький человек, испытывающий процесс перерождения.

— Половина пьес В. Шкваркина, — закончил Т. Горчаков, — поставлена у нас в Театре сатиры. Мы считаем талантливого драматурга своим автором и надеемся еще долго и плодотворно работать с ним.

После просмотра отрывков из последних комедий Шкваркина «Чужой ребенок», «Весенний сморз» и «Простая девушка» в исполнении Театра сатиры, коллектив театра и зрители тепло приветствовали писателя.

Е. ШУМСКОЙ

В Московском клубе писателей состоялся недавно творческий вечер Екатерины Шумской — автора многочисленных стихов для эстрады, напечатанных в различных сборниках эстрадных произведений.

Почти все стихи Е. Шумской сюжетны, благодаря этому хороши для исполнения с эстрады и пользуются успехом у зрителей. Об этом говорили в своих выступлениях на вечере Е. Шумской Т. З. В. Ветуховский, артист эстрады К. В. Зейфлер и поэт Н. Адуев. Шумской удавалось небольшое стихотворение сюжет, которого хватало бы на целую пьесу. На произведениях Е. Шумской лежит печать культуры и тщательного поэтического труда. Недостаток ее творчества Н. Адуева — иногда отсутствующие поэтической остроты, что часто мешает ей обогатить поэтической фантазией факты действительной жизни, служащие сюжетом ее произведений. Е. Шумской свойственны юмор, сатирические нотки и хороший вкус. В ее время некоторые стихи, как, например, «Перчатка», не свободны от банальности, плохих метафор, неудачных сравнений.

К сожалению, Н. Адуев был единственным из выступавших, кто наряду с достоинствами указывал и на недостатки творчества Шумской. Все остальные, во главе с О. М. Бриком, открывшим вечер вступительным словом, не анализировали, а лишь хвалили ее стихи.

Вечер Е. Шумской послужил поводом для принципиальных разговоров об эстрадной драматургии в целом. Большинство выступавших указывало на то, что еще не найдено в литературных кругах преобладающего отношения к эстраде: юмору и что к юмору, долго и упорно работавшим в этой области, не проявляется элементарного внимания.

Новые кадры кинодраматургов

В Доме кино недавно состоялась встреча участников закончившегося конкурса на киносценарии.

Председатель жюри конкурса Т. А. Фаев в своем докладе отметил прекрасные результаты конкурса: выявлено несколько десятков новых талантливых литераторов и кинодраматургов. Из 62 премированных авторов только 9 — профессионалы, а 53 впервые дебютируют в литературе.

А. Фаев дал высокую оценку ряду премированных сценариев: «Учитель» Р. Герасимова, «Личное дело» В. Потапова, «Бабы» М. Смирнова, кинокомедия «Ферма чудес» М. Кузнецова и М. Култы, «Бродяжка» В. Фрицмана, «Дружба» И. Брагина.

Среди произведений, которые жюри премировало в качестве материала для сценариев, многие представляют значительный литературный интерес. Так, например, «Молчание» П. Пугачева — это готовая по-

весть. Заслуживают дальнейшей разработки биографические сценарии о М. В. Фрунзе и Карле Либкнехте, написанные литературно и со знанием фактов.

— Конкурс, — заявил В. Шкловский, — был большой проверкой работы киноорганизаций. Среди премированных сценариев есть немало таких, авторы которых годами безуспешно обивали пороги киноорганизаций. А среди забракованных сценариев имеются такие, которые ставятся киносъемками.

Выступавшие участники конкурса интересовались вопросом о формах дальнейшей работы Комитета по делам кинематографии с авторским активом.

Начальник сценарного отдела Комитета Т. Чернявский сообщил, что создаются три консультационных пункта для работы с начинающими сценаристами — в Доме кино, в Институте кинематографии и при секции драматургов союза писателей.

УЗБЕКСКАЯ ПЬЕСА В РУССКОМ ТЕАТРЕ

Узбекский драматург Зиннат Фатхуллин написал пьесу «Предатели». Тема ее — борьба честных специалистов и опытных хлопководов за высокие урожаи советского хлопка, за новые сорта высококачественного волокна.

Пьеса «Предатели» — это пьеса о любви и ненависти. Герой пьесы, молодой ученый узбек Шукур Баратов, его учитель, профессор Дученко, старый опытник Ражаба-ата и секретарь райкома Тураева разоблачают грязные дела националистов.

«Предатели» с успехом поставлены в Узбекском академическом театре, Бухарском государственном и Хорезмском областном театре. Эта пьеса — первая из узбекских пьес — переведена на русский язык. В конце января в Ташкентском русском драматическом театре состоялась премьера пьесы Фатхуллина «Предатели».

«СМЕРТЬ ПАЗУХИНА»

«...Ограблен... достояние тети моего Ивана Прокофьевича Пазухина, находившегося уже в мертвенном состоянии...» пишет изболелый в воровстве статский советник Фурначев под диктовку Прокофия Пазухина... «В мертвенном состоянии» находится и живые герои пьесы, которая называлась сперва «Смерть», затем «Парство смерти» и наконец «Смерть Пазухина». Писал ее Салтыков в 1857 г. одно время с задуманной пьесой «Губернские очерки» новой «Книгой об умирающих».

Творчество Салтыкова вышло из гоголевских «Мертвых душ»: губернский мир Крутогорска Салтыков увидел и изобразил, продолжая и развивая сатиру Гоголя, но по-новому, по-своему. Биограф и исследователь творчества Салтыкова Иванов-Разумник увидел в «Смерти Пазухина» всего только «неудачную бытовую пьесу, написанную под явным влиянием Островского... Ошибка двойная — и в оценке Островского, и в оценке Салтыкова».

Фурначев, вытывая Прокофия Ивановича Пазухина, говорит ему: «Идите, государь мой, и помните, что сколько почтения и достояния добродетель, столько же гнусен и непотребен порок!»

Мы, артисты, превосходно знаем, что за «срамная скотина» этот величественный статский советник. Пародийные слова эти на его устах...

Пародийные и слова Прокофия в четвертом акте, после смерти отца и получения наследства: «Теперь я совсем человек, а вы стали другой теперича и почувствовали, что я со своим капиталом пользу отечеству принести должен».

Весь Салтыков в этом излюбленном им приеме разоблачения авноко-лживой фразеологии с помощью реальных и контрастных сопоставлений. И. Москвин (он играет Прокофия Пазухина) заставляет нас верить, что не автор вложил слова эти в уста Прокофия, но что они пришли из «нутра» того человека, который «наравном весь в папеньку вышел»... А папенька, оступившись и воротивла, настолько усердно «отечеству служил» мошенническими поставками и откупными грабежами, что губернатор «в надворные советники представлен».

Пародийность — на грани гротеска — облекает Салтыкова с Сухоно-Кобыляны. Напомним, что о подражании ему не может быть речи — по той причине, что писаны «Дело» и «Смерть Пазухина», укажем на основном «Смерти Пазухина», укажем на Салтыкова, что Сухоно-Кобыляны, Салтыкову чужда символическая, доходящая до абстрактности. Его герои сохраняют внутреннюю психологическую правду мысли, чувства, поведения, оста-

ются реальными существами, хотя изображаемые автором свойства сущности в них до пародийных пределов, почти до невероятности.

МХАТ тонко чувствует это «почти» и раскрывает в спектакле реальных Салтыкова в его своеобразии. Салтыкова в МХАТ играют так, что он непохож на Островского, хотя немало общего между «Горячим сердцем» и «Смертью Пазухина».

Хлыдов и Пазухин — люди одной социальной природы, и даже одной человеческой породы. Нынешним духом проникнут салтыковский спектакль и сравнительно с московским «Мертвыми душами». Он значительно острее, напряженнее, динамичнее.

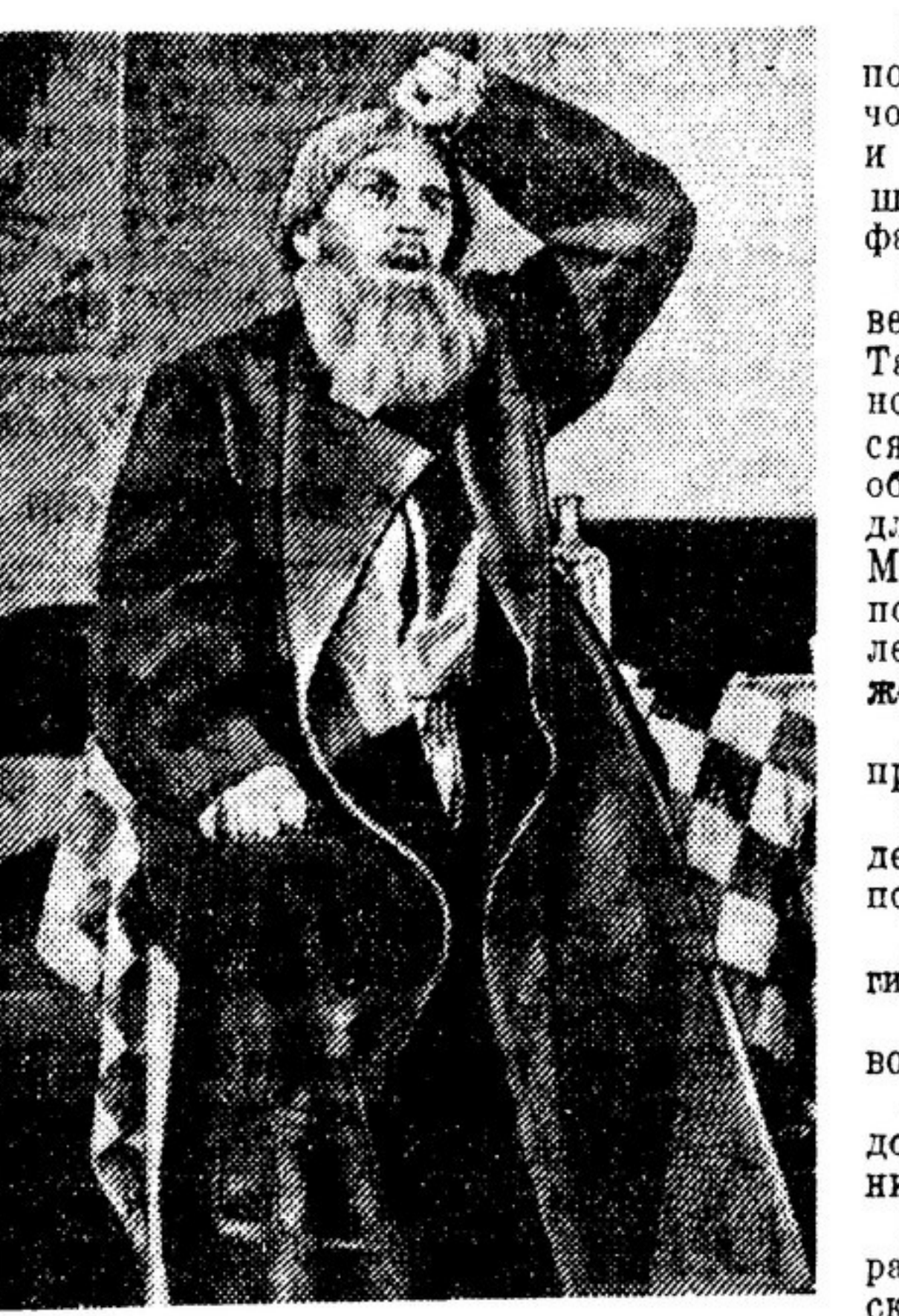
Перед нами происходит не столько история смерти Пазухина в обстановке авриной борьбы за наследство, сколько история краха Фурначева (его играет М. М. Тарханов), и это правильно, интересно, хорошо. Салтыков, с огромной силой показывая, каким омерзительным животным сделало человека классовое, эксплуататорское общество, едва ли не наиболее дурной ненавистью казнит лицемерия.

Идушка Головлев — гениальное изображение этого гнуснейшего порока. Как хорошо знал Салтыков лицемерия, как изучил он его российски-николаевскую форму. Салтыков писал, что «лицемер чисторусского пошиба, т. е. просто человек, лишенный всякого нравственного мерала и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных приножках».

М. М. Тарханов и И. М. Москвин по-братски делают актерский успех спектакля!.. В дружном ансамбле с ними играют Ф. В. Шевченко — Настасья Ивановна Фурначева, В. В. Готовцев — поручик Живновский, А. И. Чебан — старик Пазухин.

М. М. Тарханов начинает второй акт пьесы истинно по-гоголевски. Суетливое, пустословие, невежество — а с ними и безграничное плутовство и стяжательство (рекрутский набор — лаковая пожива) истекает из его уст; калаеат слово за словом, размеренно, неторопливо, беззаботно. Так привык он точить людей «стигмами на азбучных прописях», так ступил несколько минут доимает он Анику Петровичу Живновскому (В. Ф. Скуляев) и женой своей Настасье Ивановне, Ф. В. Шевченко превосходно передает внутреннюю и внешнюю облик круглолицого, нишкетелю, немужно-глупой парены из салтыковской же сказки, которая весь век у окна сидела, печатные приписки ела да яблоками акусывала... С яблоками и приписками ходит и она, изываясь от скуки от Фурначевского лицемерия и пустословия: «Хоть бы при мне-то ты о добродетели не говорил».

Но не может о ней не твердить Фурначев, умышляя ограбить умирающего Пазухина и подговаривая Анику Петровича сделать сленок ключа от заветного сундука с капиталом. Мертвые слова, мертвые глаза, мертвенные движения губ у Фурначева, когда он, как кошка к мышам, подбирается к главному, выпрашивает

Сцена из первого акта. Народный артист СССР И. М. Москвин в роли Прокофия Ивановича Пазухина.

Его на секунду удерживает страх перед покойником (и Идушка Головлев боится чорта). Но жагда денег все превозмогает, и вот выходит оттуда Фурначев, разбухший, так как набил кармана, лапуку, фалды, вишнуладра.

Первые слова его: «Теперь, кажется, совершился весь мой жизни подвиг». М. М. Тарханов в этот миг поднимается до истинного пафоса, — голубевского, разумеется... Но сорвался! Поиман с полным, обескураженным, раздаленом. Катастрофу для Фурначева подлинную трагедию — М. М. Тарханов играет очень скупю. Автор почти не дал слов, и Тарханов великолепно пользуется выразительностью своего жеста, малейших движений своего тела.

Последний удар: жена, узнав, что тут произошло, уничтожающе говорит: — Говорила я тебе, меньше об долблетели распространялся, — вот и вышло по-моему...

Уязвленный Фурначев-Тарханов вдрагивает, саживается.

Написана расписка, Иван Прокофич восклицает: — Православные! растопитесь! дайте дорогу вору и грабителю, статскому советнику господину Фурначеву...

М. М. Тарханов уходит... Спина его истрепана до последнего микровеса, пока не стрывает оп за дверью. Мы знаем замечательный уход Собольевича — Тарханова с обеим у губернатора. Он вспоминается не потому, что уход Фурначева таков же, но потому, что он совсем иной — и столь же выразительный.

Так заканчивается история краха Фурначева, сыгранная, как эпизод из жизни Идушки Головлева...

И. М. Москвин играет в спектакле роль, которая представляет огромные трудности. Прокофия Пазухина внешне схолен с героями Островского — самоурагами, Титами Титычами... Сродни он Хлыдову: Прокофия бороду стрижет, сюртук наливает не из-за наследства только. Ему «этот сюжет очень потерек стал» — расточливости воздержания... Он, быть может, Хлыдовым и развернется, заполучив дельца, хотя бы в явку непочтительному сыну Гаврилы (в сцене «Коммерция» Салтыков рассказывает о таких купцах). Но суть Прокофия иная, не хлыдовская. И. М. Москвин, показывая в начале первого акта Прокофия убитым, пришибленным, замечательно играет в четвертом акте превращение его в хозяина. «Прочь с дороги!» — говорит он — Потомственный почетный гражданин Прокофия Иванов сын Пазухин идет!». Это говорит не ошеленный от счастья самодур, но человек далеко не глупый, хитрый, привыкший играть тонкую игру. Уже в первом акте И. М. Москвин показывает, как играет Прокофия — перед друзьями, но не перед собою! Он дружит Лобастова генерала из слаточных (А. В. Жильцов), но, оставшись один, прямо говорит: «Обману генерала»...

Во втором акте Пазухин опростоволосился, испугавшись нехватки, поверив несурным словам Живновского... Ошибка уныча Пазухина, и теперь, одержав верх

Сцена из второго акта. Народный артист СССР М. М. Тарханов в роли Семена Семеновича Фурначева, артист-на Е. Ф. Скуляев в роли Живновского.

пе из других произведений Салтыкова, чем из этой пьесы: Хрептукин, откупщик-миллионер, с азнатской дикостью предающийся «европеизации», умирает в Пазухина... Оттого и неслучайно А. И. Чебану эту роль: из его лола пьеса оставляет лишь конец долгой жизни...

А. И. Чебан хорошо показывает запачкешность душию Пазухина — старческая похоть не оставляет его и на пороге могилы солдатские рассказы Живновского о метрских слушках он жалко... Озорник, безобразник, купивший «да бадовства» пятнадцатилетнюю Аннушку и теперь говорящий ей же, но уже сорочкалетней: «Люди, Аннушка, сюда, а коть погляжу», — он плотоуныма глазами вынивается и в Леночку Лобастову, невесту его вуха Гавришки.

И глазом своим не верит. Перед ним — холодная смерть, воплощенное худословие с черепом на плечах... С. И. Гарель чудесно загримирована и хорошо исполняет свою маленькую роль.

«Да что ты будто худ!» — спрашивает Пазухин, и в вопросе этом, во всей сцене осмотра А. И. Чебан искусно приподнимает ту завесу, которую автор опустил над прошлым Пазухина.

С подкупающим юмором, с превосходной разработкой деталей В. В. Готовцев играет поручика Живновского, наконец разорвавшегося, постаревшего, но верного себе Надевра. Опрокидывая в глотку бесцеленные рюмки, он забавно придерживает левой рукой левый уст, чтобы не замочился... Готовцев играет отлично тот образ, который намечен режиссурой, но образ этот все-таки отходит от написанного Салтыковым. Живновский далеко не столь обаятелен, каким мы его видим. И из его собственных (и опущенных) рассказов из других произведений Салтыкова мы знаем, что он — хищник, мелкий, неудачливый, но тем более остервенелый в погоде за добычей.

— Господа! представление кончилось! Добродетель... тьфу, бишь! порок какавая, а добродетель!.. да где же тут добродетель-то! (К Прокофию Ивановичу). Прокофия Иванович! батюшка!

Так, словами Живновского заканчивается пьеса, а с нею и спектакль.

Он воплощает одну из существеннейших сторон творчества Салтыкова — излюбленное гнуснейшее лицемерие, этого страшного порока, который благословляет, облегчает и покрывает и авриную, ни перед чем не останавливающимся погону за деньгами, и насилит, предательство, обман, любые преступления...

Спектакль передает и черты стили Салтыкова — его едкость, его доводность, его пародийность — то, из чего складается пафос его пьесы и ненависти.

ПИСЬМО МОСКВЕ

Родная Москва!
Ты встретила нас, как мать встречает своих сыновей. Каждый москвич был нашим братом. Каждый дом был домом друга.

Мы разговаривали с тобой, Москва, на нашем родном языке — языке песни. Нас пели и поэты Алая и Нарына, Лейтенанты и Таласа, понимали москвичи-писатели и москвичи-студенты, москвичи-студенты и москвичи-красноармейцы. Потому что голос наших песен — это голос великой сталинской дружбы народов.

Мы счастливы, если в наших песнях ты услышала, Москва, хоть отдаленный голос шепчущего шелеста бархатных трав наших необжитых джайлоо, бурного роке-та седых холмов, нежного веселка волн прозрачных горных озер и гордых криков орлов, парящих над снеговыми вершинами Тянь-Шаня.

Мы знаем, как бы ни был тот голос певца — он слаб для того, чтобы полностью передать огромную любовь киргизского народа к нашей Родине, стальную волею и самоотверженность счастливых трудящихся Киргизии отцу нашему, родному Сталину.

Встреча с тобой, Москва, вдохнула в нас новые силы. Гордые за наш народ, с сердцами, переполненными счастьем и дружбой, мы возвращаемся в родные холмы и горы, чтобы с новой силой воспеть радость нашей жизни, тебя, наше сердце — Москва, солнце нашего счастья — Сталина.

До свиданья, друг Москва, до свиданья, друзья москвичи!

Народный акын, депутат Верховного Совета Киргизской ССР, орденосец

Алымкул Усманбаев,

Народный акын, орденосец

Калым Аниев,

Депутат Верховного Совета Киргизской ССР Толан Шашиев,

Орденосец Кюсуп Турусбеков,

Орденосец Алымкул Осмонов,

Нубанчыбек Малинов,

Абрасул Токтомушев,

Тимиркул Уметалиев,

Юсар Шиваз,

Саякбай Каралаев,

Атай Онгобеев.

«ФЛАГИ НА БАШНЯХ»

На вечере А. Макаренко в клубе писателей

Семь лет назад А. Макаренко выпустил первую свою книгу «Марш 30 года». Она прошла незамеченной читателями и критикой. Автор получил на нее только один отзыв. Этим читателем был Алексей Максимович Горький. Он одобрительно отозвался о первой книге писателя.

Два года ждала критического отзыва вторая книга А. Макаренко «Педагогическая поэма». Она стала широко известна среди читателей задолго до того, как о ней заговорил критик. «Книге для родителей» критика уделила также крайне мало внимания.

Об этом говорил во вступительной речи А. Макаренко на своем вечере в клубе писателей.

Несомненно, что автор такого выдающегося художественного произведения, как «Педагогическая поэма», имеет право на большее внимание критики.

Реакция развилась суждения о новой книге А. Макаренко «Флаги на башнях». А. Караванов, открывшая вечер, В. Герасимова, Ю. Либедиский, В. Ермаков, режиссер Н. Петров и т. Барская, Колбаковский, Карпыч, Пугачев, Вирюков, Немлихер и Алексич, выступившие на этом вечере, в противоположность некоторым статьям, появившимся в печати, очень хвалили новую книгу Макаренко. Утверждение некоторых критиков, что главное достоинство книг А. Макаренко не в художественном изложении, а в богатстве фактического материала, было отвергнуто выступившими товарищами. Произведения Макаренко, говорили они, полны художественными и глубоко волнующими и трогательными. Тему коммунистического воспитания детей, столь важную для советского общества и так мало разработанную нашими писателями, А. Макаренко разрешает очень интересно и своеобразно.

— Книжки А. Макаренко, — говорит т. Карпыч, — написаны просто и понятно, в этом их громадное достоинство. Его герои необычайно трогательны и правдоподобны. Очень велико воспитательное значение книг Макаренко, передающего читателям свой богатейший педагогический опыт. Поэтому-то мы, педагоги, особенно высоко ценим его, а лично считаю автора «Педагогической поэмы» и «Флагов на башнях» настоящим новатором-педагогом и новатором-писателем.

В. Ермаков утверждает, что в книге «Флаги на башнях» дан ступок совет-

ской действительности, воздух, которым живут наши дети, и не почувствовать этого могут лишь те, кто плохо знает нашу действительность. — В отличие от «Педагогической поэмы», — говорит В. Ермаков, — тема которой борьба с бюрократизмом, «Флаги на башнях» ставят проблему советской педагогики. Новаторская идея автора романа заключается в том, что он борется с пережитками либеральной педагогики и ратует за педагогику социальную, элементы которой содержат в нас наша советская действительность.

Высоко оценивая творчество А. Макаренко и, в частности, его последнее произведение, В. Ермаков указывает на то, что автор в романе «Флаги на башнях», увеличив проблематику взаимоотношений коллектива и индивидуальности, недостаточно глубоко и всесторонне разработал отдельные образы.

Тов. Алексич подчеркивает, что А. Макаренко ставит в своем творчестве огромную важность и трудности проблемы коммунистического воспитания. В романе «Флаги на башнях» он эту проблему разрешает, показывая, какими методами была создана реальная, существующая у нас детская колония, настолько прекрасная, что многим скептикам она представляется выдумкой и сказкой и навлекает на Макаренко обвинения в лагровые действительности.

— Далекое не случайно, — говорит В. Герасимова, — что в писательской судьбе А. Макаренко принял участие А. М. Горький. Великий художник увидел в его произведениях тот подлинно социалистический гуманизм, которым пронизано творчество самого Алексея Максимовича.

— Отрицательные образы, — говорит далее В. Герасимова, — наделенные смешными и трогательными чертами, писать легче, чем положительными, — они получают более острый и «доходчивый». Но Макаренко не забывает этим. Его писательское своеобразие заключается в том, что он любит людей, верит в силы своих героев и стремится показать их читателям.

Выступавшие полемизировали со статьями о романе «Флаги на башнях», начатыми в «Литературном критике» и «Литературном обозрении», считая, что в них дана неправильная оценка этой книги А. Макаренко.

Е. ПЕЛЬСОН.

Казачья народная песня

На последнем декадансе секции народного творчества ССП ССР т. В. М. Ширман сделала сообщение о казачьих народных песнях.

Казачьи станции по рекам Хопер и Медведица, Сталинградской области, хранят богатейшие песенные традиции. Здесь можно услышать отрывки старинных былин, записанные с севера, песни похвалы, исторические, шуточные, плясовые, лирические, баллады литературного происхождения.

Каждая станция имеет своего любимого певца. Слага о некоторых из них распространяется по всему району. О них и такти особенно популярных певцов,

казачь В. И. Луценко (хutor Котковский Серфимовичского района) вместе с колхозником В. М. Федюновым исполнили на декадансе традиционные казачьи песни.

В. И. Луценко перенял от своего отца, красного партизана, подлинное песенное мастерство. Как певца, его знает весь район. Часто станицы включают телефон, и он поет в телефонную трубку свои старинные эпические песни.

Выступивший в прениях проф. С. А. Бугославский отметил, что мелодия песен, исполненных В. И. Луценко, очень древнего происхождения. Встречаясь сейчас чрезвычайно редко, они представляют большой интерес.

С. ЖИСЛИНА.

БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ — Н. Н. АСЕЕВУ

Дорогой Николай Николаевич!
Писатели БССР горячо приветствуют вас, большого и всматривающего мастера советской поэзии, в день 25-летия вашей литературной деятельности. Активная деятельность ваших стихов, их народная песенность и лиричность, высокая страсть служения искусству в его новом, советском понимании — вот те неотъемлемые качества вашего большого таланта, которые заслужили вам большую известность и популярность у массового читателя нашей страны.

Желаем вам, дорогой товарищ Асеев, долгих лет плодотворной и успешной работы на пользу нашего народа и нашей счастливой социалистической родины.

Янна Купала, Ляуб Колас, Змитрон Бяляля, Петро Глебна, М. Лыньов, Петрусь Бровка, Арнадий Кулешов, М. Илминич, Э. Крапива, Я. Маэр, А. Нучар, З. Ансельрод, Г. Березкин, Г. Каменецкий, Э. Огницвет, П. Панченко, М. Грубин, И. Гурский, Ф. Шинклер, М. Ильинский, Титов, А. Шаравов, И. Шапалов, Глазырин.

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Об издании свода фольклора народов СССР

27 февраля началось общее собрание Академии наук СССР для пересмотра плана работ Академии на 1939 год.

На заседании 27 февраля в прениях выступил академик А. Н. Толстой с предложением организовать при отделе языка и литературы Академии изучение и собрание фольклора.

— Необходимо, — заявил он, — вернуть народом созданные ими богатства, находящиеся сейчас в распяленном состоянии.

— Первоначально, — указал А. Н. Толстой, — возникла мысль издания полного свода русского фольклора, охватывающего все общерусские и неопубликованные записи сказок, былин, сказаний, песен, а также творчество современных сказителей. Уже такое издание имело бы мировое значение, так как русский фольклор превосходит по количеству и качеству фольклор всех европейских народов. Но сейчас можно и нужно говорить об издании общего свода фольклора всех народов СССР.

Остановившись на мероприятии, необходимом для осуществления этой задачи, А. Н. Толстой подчеркнул, что собрание и изучение фольклора народов СССР должно вестись фольклористами в сотрудничестве с писателями.

КАЛЕНДАРЬ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

2 марта, 20 — декаданс секции переводчиков, посвященный 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. Вступительное слово делает А. Сурков. Поэты выступают с чтением своих переводов из «Кобзаря».

3 марта — вечер встречи писателей с начинающими авторами. Председательствует П. Павленко.

4 марта — декаданс секции народного творчества. И. А. Новиков читает свой перевод «Кралевской рукописи» (чешский эпос).

Вечер Д. Петровского. Автор прочтет отрывки из своего нового романа «Шпор». Доклад о романе делает А. Митрофанов.

5 марта — декаданс секции поэтов. О. Козырев читает новую поэму «Шпор». В 23 часа — вечер отдыха.

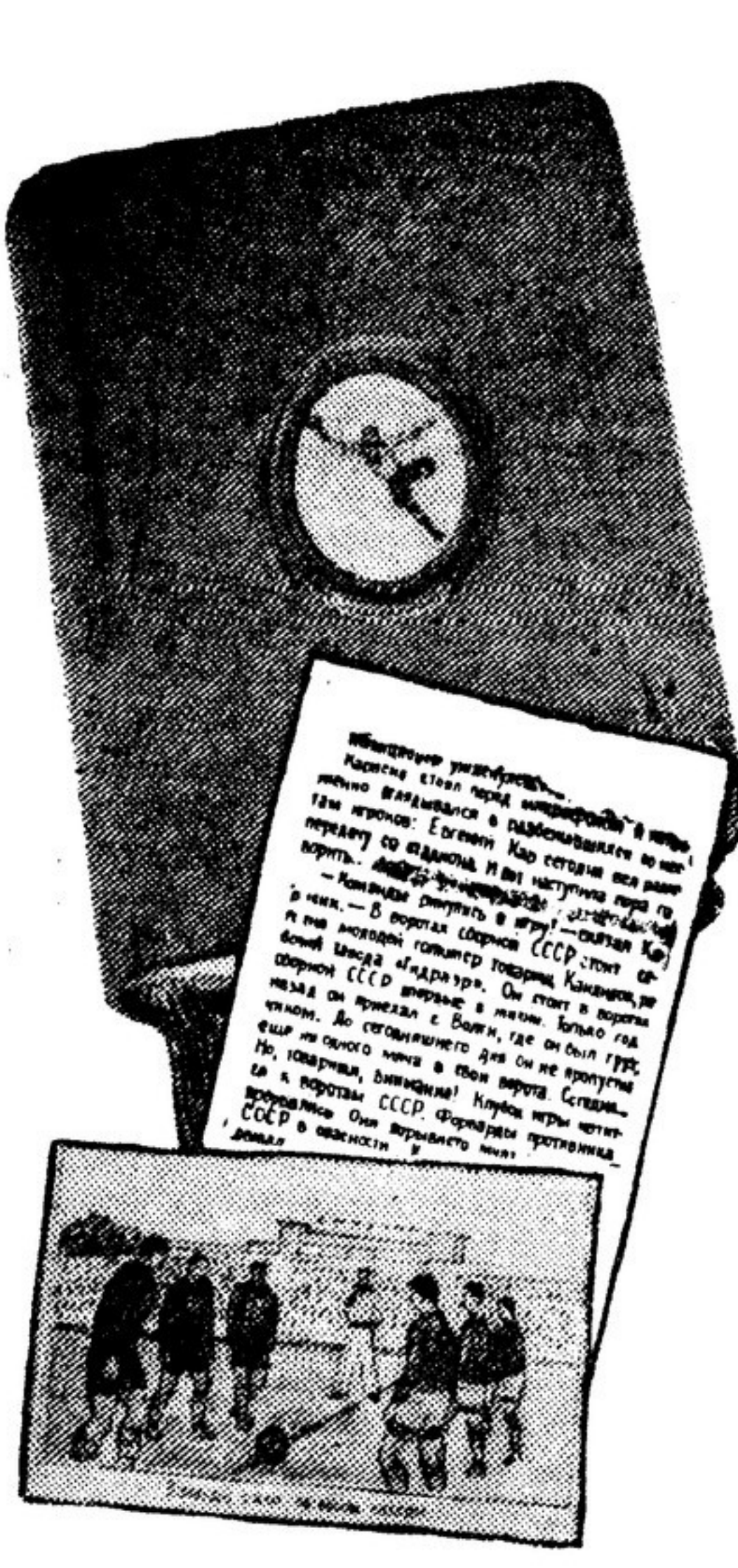
КНИЖНАЯ ХРОНИКА

В ближайшие дни выйдут из печати новые выпуски малой серии «Библиотека поэта» (издательство «Советский писатель»):

«Нозма Прутков», «Избранные сочинения». Вступительная статья, редакция и примечания В. Денищико.

Я. Попонский, «Стихотворения». Вступительная статья, редакция и примечания В. Эйхенбаума.

И. Фоманов, «Стихотворения». Вступительная статья и редакция текста М. Клемана.

Обложка, страница и иллюстрация книжки «Вратарь Республики» Л. Касисла, сделанные школьником Толей Коврижником.

Пятнадцатилетний издатель

Среди представленных в Пушкинском музее многочисленных томов произведений великого поэта, изданных в XIX и XX столетиях, скромно притаилась книжечка в сером переплете размером 4 на 6 сантиметров.

Кто издатель этого изящного томика, включающего 134 стихотворения, об объеме около 300 страниц? Книжный или торговый Смирдин, критик и публицист минувшего века П. В. Анненков или, быть может, «Академия» или Детиздат?

Эту крохотную книгу «издал» ученик 7-го класса 209-й школы Толя Коврижник, сын механика одного из оборонных заводов в Москве.

Томик Пушкина, несмотря на миниатюрность, сделан по всем правилам издательского искусства. Радует отличная бумага, четкий шрифт, тщательно воспроизведенные заставки, концовки, мастерски сделанный переплет.

Все это сделано от руки, с большим знанием дела и любовью. Подлинно филигранная работа. Каждая буква, каждый рисунок сделаны вручную.

В длинном перечне издателей Пушкина за сто с лишним лет Толя Коврижник, несомненно, самый юный. В то время, когда им был сделан редкий, как икнулабула, томик Пушкина (к столетию со дня смерти поэта), Толя исполнилось 13 лет.

Пушкинскую дату мальчик ознаменовал еще выпуском журнала, названного им «Литератор».

Журнал этот Толя показал своему первоначальному, в свое время демонстративного в школе в пионерорганизации, в Октябрьском районе партии. Все восхищались работой Толи, проявившим им вкусом, любовью к книге, его исключительным терпением.

И впрямь, рассматривая книжечку страничку, написанную мальчиком, каждый, посвященный в «тайну» книги, абсолютно уверен в том, что она напечатана «по-настоящему». Столь четкой и нерушимой строки мельчайших литер, составляющих строки, страницы, наконец, целым том.

В 1937 году «Пионерская правда» печатала выдержки из романа Касисла «Вратарь Республики». Толя Коврижник, собрав газету, принялся за «издание» «Вратаря». Надо сказать, что мальчик успешно обогнал два издательства — «Советский писатель» и Детиздат, выпускающие эту книгу.

Перед нами книга «Вратарь Республики», сделанная 15-летним издателем. Размер ее 7 на 9 сантиметров. Прекрасный ледерный переплет цвета беж. Роскошная супер-обложка. В книге 233 странички, цветные рисунки, заставки, форзацы и пр.

Надо глубоко и по-настоящему любить книгу, чтобы отлавить ей весь свой допуск, чтобы кропотливо создавать миниатюрные шедевры, как это делает Толя Коврижник.

М. ПОЛЯНСКИЙ.

К ЮБИЛЕЮ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

«Давид Сасунский» сохранился в народной памяти в виде ряда вариантов, на различных диалектах, так что вариант, сохранившийся в одном районе, мало доступен населению другого. Для того, чтобы создать единый текст эпоса, комиссии армянских литературоведов (профессора Аветян, Абов и др.) пришлось поработать ответственно и трудную работу по объединению и сводке множества вариантов, нередко противоречащих друг другу по линии сюжетного развития.

Этот обобщенный текст и был предложен для перевода на русский язык бригаде ССП СССР в составе поэтов В. В. Держанина, А. С. Кочеткова, К. А. Липсберова и С. В. Шервинского.

В октябре 1933 года бригада выехала в Ереван, где юбилейный комитет и ССП Армении предоставили ей широкую возможность знакомиться с природой, бытом, народным творчеством и старинной страны. Во время пребывания бригады в Ереване там происходила олимпиада народной песни и пляски, давшая членам бригады возможность непосредственно видеть и слышать народное армянское искусство в длинном ряде его характернейших образцов. Специальные лекции-беседы ввели поэтов в их работу. Труд перевода «Давида Сасунского» был в основном преодолен бригадой в Армении.

В настоящее время перевод закончен. Первоначальные работы, имея в руках армянский текст и русский дословный, предварительно согласовав между собой принципы перевода, они все перепроверили и подтвердили взаимной перекрестной критикой. Каждый поэт перевел в основном больше, нежелательные части эпоса. В общем русский перевод составил около 11.000 стихов.

Юбилейное издание готовится к печати в Армянском. Книга должна выйти роскошным изданием, с красочными иллюстрациями, гравирован на дереве, над которыми в настоящее время работают художники Гончаров, Пиков и др.

Памяти Д. М. Лаврухина

24 февраля после продолжительной болезни скончался Дмитрий Лаврухин (А. И. Георгиевский), выдающийся советский писатель-коммунист, автор книг «По следам героя», «Невская повесть» и др.

Смерть вывала из рядов советских писателей одного из талантливейших представителей народа. Дмитрий Лаврухин прошел большую жизненный путь. Он работал редактором на Балтийском и Шлиссельбургском заводах, сражался на Дальнем Востоке против японских захватчиков, пришел в литературу из рабочнической среды. Его первая книга «По следам героя» была высоко оценена Максимом Горьким и Романом Ролланом.

До последнего часа жизни Дмитрий Лаврухин был на ответственной посту инженера человеческих душ. Даже в последние время, прикованный тяжелой болезнью к постели, он не прекращал работу над большим современным романом «Хозяин».

Смерть настигла этого талантливого писателя на самом высоком подъеме его творчества: обширные замыслы остались незавершенными.

Дмитрий Лаврухин был человеком

большой доброты, чутким и заботливым товарищем; он воспитал немало молодых писателей.

Советская литература потеряла одного из лучших и своеобразных прозаиков. Семья ленинградских писателей потеряла хорошего большевика, талантливого соратника и прекрасного товарища.

М. ЗОЩЕНКО, А. ПРОКОФЬЕВ, Б. ЛАВРЕНЕВ, П. КАПИЦА, А. ЧЕРНЕНКО, В. САЯНОВ, К. ВАНИН, А. РЕШЕТОВ, А. СЕЛИФОНОВ.

ПОХОРОНЫ Д. И. ЛАВРУХИНА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 26 февраля состоялись похороны Д. И. Лаврухина.

Утром гроб с телом покойного был установлен в Доме писателя им. Маяковского. Сменяются почетные караулы писателей.

К 3 часам дня у гроба собрались друзья и товарищи, литераторы, работники издательства, читатели. Начинается гражданская панхика. С речами выступила М. Слюнницкий, В. Саянов, А. Решетов, Д. Цезор, А. Селифонов.

Д. И. Лаврухин похоронен на Волковом кладбище, на литературских мостах.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Мое предложение

Дорогие товарищи писатели!
Примите, прежде всего, самые дружеские поздравления с высокой наградой и привет от любящего советскую литературу читателя.

У вас праздник, большой и радостный. И самая главная радость ваша заключается в том, что вместе с вами радуются миллионы людей, читатели ваших книг. Глубокое удовлетворение испытываются, находясь в списке награжденных и переводчиков.

И, например, вечно буду благодарен М. Д. Лозинскому за его перевод «Кола Бронзова». Когда я узнал эту книгу, как-то еще легче стало жить и работать. Какая вещь! И всегда ложно о ней. Она владеет моими чувствами, всем моим духом. Это — не просто книга, это какой-то сверхъестественный поток подлинной, ликующей и никогда не умирающей жизни. И вот этого бессмертного творения Ромэн Роллана я бы не знал, если бы не искусное мастерство переводчика!

Максим Горький завещал советским писателям написать книгу о счастье. Пяковский написал множество радостных стихов и поэму «Хорошо» — о советской жизни.

И поэтому из всех планов писателей особенно горячо хочется приветствовать замыслы М. Зощенко и А. Макаренко, задумавших, очевидно, без всякого сомнения, написать книгу о счастье.

Коммунистическое воспитание трудящихся, продолжение пережитых капитализма в сознании людей приобретает решающее значение при осуществлении новых исторических задач. Существенным перед нами вехами являются доклады тов. Молотова на XVIII съезде ВКП(б).

Мне года два-три пришлось жить в дачной стальной будке, расположенной в 200—300 километрах от железной дороги. Подолгу беседовал я с людьми, с которыми встречался во время моих поездок.

И всех я спрашивал об одном и том же: что он или она думает о счастье? что это такое? и что нужно человеку для того, чтобы сделать его счастливым?

Завязывались споры. Особенно интересной была беседа на маленьком днепровском пароходе о артистико-киевляноку.

— Счастье — исключительно индивидуальное и кратковременное ощущение, — заявила она. — Тот, кто раньше весной вылез из-под одеяла, Бекетт ругает по бошине прощача. В небе какая-то либушка поет. И в счастья. Отчего? Почему? Не знаю, но я безмерно счастлива!

Я рассказал собеседнице о всех слышанных мною определениях счастья. Это как будто подтверждало мысль, что счастье — исключительное индивидуальное переживание. И тут же возник вопрос: неужели счастье так упрощено, что можно измерить его только в пределах одной плоскости, в пределах одной какой-то черты?

И ринили: счастье — это не плоское нечто. Это — многогранник! Вот как бриллиант — чем больше граней, тем ярче его блеск. Чтобы счастье человека блеском ослепительным бриллиантом, в нем, в этом счастье, должно быть множество граней.

В одной из бесед о молодежи был затронут целый ряд вопросов о поведении, характере и счастье комсомольцев.

Обсуждали мы мыслии Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Ленина и Сталина, Максима Горького и В. Маяковского, и нашлись ответы на все. И все было радостно и разрешено споров! В советской стране уже создана основа для счастья каждого человека в отдельности (обеспечение права на труд, на отдых, образование).

На наша беседа велась кустарно. Надо создать для молодежи и для всего народа замечательный коллективный труд писателей, инженеров человеческих душ, о счастье.

И почему только два писателя будут заниматься этим вопросом? Не приступить ли в честь XVIII съезда ВКП(б), в порядке писательского подарка родные-матери, к созданию коллективного сборника «Мысли советского народа о счастье».

В тысячах писем, которые немедленно начнут поступать в коллективную редакцию этого сборника, будет заключаться громадный материал.

Плак, в доброй час, товарищ писатели! Начните книгу о счастье. И это будет одним из лучших ваших ответов на награду правительства и лучшим подарком народу в честь XVIII съезда партии Ленина — Сталина.

С читательским приветом
ЯН ВАСФЕК

Необходимое разъяснение

В № 9 (788) от 15 февраля 1939 года «Литературная газета» напечатана заметка «Творческий вечер Юрия Тынянова».

В строках, посвященных моему выступлению, указано, что композитором спектакля «Кюхля», готовящегося в Ленинградском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина, является Д. Д. Шостакович.

Это сообщение неверно: оно — следствие моей оговорки.

Композитором спектакля «Кюхля» приглашен С. С. Прокофьев (он дал свое принципиальное согласие); Д. Д. Шостакович же, к нашему удовольствию, выразил желание быть автором музыки к спектаклю «Лже-Нерон», осуществленному нашим театром по роману Лиона Фейхтвангера в сезон 1939—40 г.

Л. С. ВИБЬЕН.

Художественный руководитель Ленинградского государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина.

«СИСТЕМА ЩЕПКИНА»

В издательстве «Искусство» вышла из печати исследовательская работа Д. Тальникова «Система Щепкина». Основные разделы книги: «Творческий метод», «Учение о переживании», «Работа над образом», «Работа актера над ролью и над собой», «Сценические задачи, приемы и приспособления».

ХРОНИКА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Презidium Ленинградского совета постановил переименовать Румянцевскую площадь в Ленинграде в площадь Тараса Шевченко, Волжскую улицу — в улицу Александра Блока и Вологодскую улицу — в улицу Чапыгина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

АЛЕКСАНДР РОММ

Рансод и писатель

Этого человека зовут Фаррах Давлетшин. Жизнь его классична с первого до последнего дня.

Сиротское, нищее детство. С пяти лет он нянчик детей у чужих людей. Солдаты — полководец, потом пастух у помещика. С семнадцати — скитается по деревням, прикамьям и заводам. Он исполнил весь Урал, побывал в Сибири. Его были кузницы, его были хозяйские привхости на заводах. Он терпел голод и слезал песни.

С тридцати лет он слеп, как Гомер. Но не как Гомер потерял он зрение. В 1916 году на фабрике лопнула паровая труба, вал которой он наклонился, чтобы снять с нее свистушка. Ему сожгло глаза, его выгнали за ворота. Ступай, куда знаешь.

Тогда на смену бедности пришла нищета. Он пел по азам песни, и родной народ делался с ним своим скудным хлебом. Надо знать башкирскую бедноту до Октября, чтобы понять, какия мужеством обладал человек, с полным правом горюющий теперь:

Глаза я отдал хозяевам злым,

Но слово мое я не отдал им!

Башкирский народ вымирал от голода: земля его была отнята помещиками и кулаками. Такого беспримечного разграбления, какому подвергались черноземные башкирские земли, не знала ни одна из областей нашей страны.

Но Фаррах Давлетшин обладал не толь-

ко огромным поэтическим даром. Он обладал и великим боевым духом своего народа. Многие ли знают, что если освободительная война Кавказа, описанная Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, тянулась несколько десятков лет, то башкиры дрались за свою свободу два века — с конца XVI по конец XVIII столетия! За это время истории насчитывают до восьмидесяти крупных восстаний, а мелким — счета нет.

Народный поэт Салават Юлаев, вождь и организатор башкир во время пугачевского крестьянского восстания, говорил: «Разве имеется готовая для башкир воля — без того, чтобы выбранный тобой красавица пролила слезы с кровью, и родители твои сожгли с горя свои огни?»

«Кому не сопутствовала в судьбе сова, кому не была постылой трава сукуватая и ковыльная степь? Где только не оставалась голова башкирского жигита, на воротах которого птица вяла себе гнездо и на щеке которого размножались мухи и комары?»

В песнях Фарраха Давлетшина выражалась вековая ненависть народа к угнетателям, вековая вера в победу и счастье.

С первого дня революции он стал — точнее, продолжал — бороться за нее своими песнями; при первой возможности вступил в колхоз. С первого дня массового движения за коллективизацию он боролся за нее своими вдохновенными песнями. Его преследовали бай и кулаки. Но сильнее их были песни Фарраха. Народ, которому он поэтическим словом указывал дорогу вперед, прозвал его пророком. Есть люди, думающие, что поэт — это прежде всего обладатель сложных словесных ассоциаций. Но народы всего мира знают: поэт — это прежде всего сердце, это прежде всего верный глаз, устремленный в будущее. Автор «Слова о полку Игореве» упорно называет Бояна ветхим; по-латыни

поэт и пророк именуются одним и тем же словом *uates*.

Слепой поэт знал силу своего таланта. Его песни пелись по всей Башкирии, его приезжали слушать издалека, но, неграмотный, он хотел, чтобы песни его были напечатаны. Его шестьдесят километров прошел он пешком до Уфы. Это было в 1927 году. Нашелся фольклорист, который записал несколько песен Фарраха. Они были изданы небольшой книжкой. Фарраху заплатили 50 рублей, и тем дело кончилось.

Поэта преследовали не только бай, но и враги народа, которым удавалось прокрасться на высокие посты в башкирской литературе, да и